

Шимун Врочек

**Сержанту никто не
звонит (сборник)**

«Автор»

2006

Врочек Ш.

Сержанту никто не звонит (сборник) / Ш. Врочек — «Автор», 2006

Герой должен быть. Хотя бы один... Он может выглядеть по-разному: быть коротышкой или гигантом, блондином или седым, плечистым или худым как щепка... Он может вообще не выглядеть героем. Но что-то выделяет его из толпы. Взгляд. И встает на пути рока сержант Франко Соренте по прозвищу Нож, командует «Делай, как я!» центурион Тит Волтумий, оказавшись на улицах современной Москвы, и приглашает вечность на последний танец Олег Горелов, лейтенант военно-космических сил...

© Врочек Ш., 2006

© Автор, 2006

Содержание

ЖЕСТОКОЕ ФЭНТЕЗИ	5
Дети ненависти	5
Восьмой рыцарь	11
Король мертвых	22
Вампир в законе	28
1	28
2	29
3	30
4	31
5	32
6	34
7	36
8	38
9	38
10	39
11	39
Рыцарь-в-Бинтах	42
Эльфы на танках	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Шимун Врочек

Сержанту никто не звонит

ЖЕСТОКОЕ ФЭНТЕЗИ

Дети ненависти

Нотаэло Сотизель, Двенадцатый-из-Тридцати, более известный как Рисовальщик, засел в ветвях дуба, раскинув вокруг себя маскировочное заклинание-сеть и зажав в зубах стрелу. Лицо эльфа выкрасил зеленой краской, длинные волосы остриг коротко, по людской моде, голову перевязал темной косынкой. Пятнистый комбинезон из армейских запасов скрыл гибкое тело. На рукаве вяло скалилась белая кошачья голова – эмблема Серебряных Пантер, третьей бригады специального назначения.

Серебряные Пантеры считались лучшим подразделением Алладорской армии. Последняя война показала, что воевать с людьми можно и по-эльфийски, но побеждать их – только «человеческими» методами. Диверсии, саботаж, молниеносные рейды по тылам, акции устрашения, заложники. Серебряные Пантеры проявили себя блестяще. Не проиграв ни одного крупного сражения, люди были вынуждены уйти, оставив Алладор на произвол своих врагов – эльфов. Белая кошка оскалила зубки...

Однако эмблема врал. Нотаэло не был Серебряной Пантерой и даже никогда не служил в армии. Марш-броски, тренинг день-деньской, а получать гроши – нет, увольте. Нотаэло не таков. Лучше Нотаэло Сотизель достанет армейский комбинезон – причем не новый, уже не раз стиранный, возьмет эмблему Пантер, купленную за два ланса у мальчишки, продавца сувениров с Площади Увядших Роз, и сам (лично!) пришьет на рукав. Потом Нотаэло возьмет снайперский арбалет системы Дэльноро (страшное оружие, гордость эльфийской военной мысли), тщательно пристреляет и выкрасит лицо в зеленый цвет.

Днем позже Нотаэло Сотизель, Нотаэло Рисовальщик, Двенадцатый-из-Тридцати, отличный стрелок и талантливый конспиратор, засядет в ветвях огромного дуба в шестнадцати милях от городской черты. И откроется эльфу прекрасный вид сверху на некую поляну, залившую лунным светом...

Нотаэло засел и ему открылся.

Оставалось ждать.

Дельмар по прозвищу Короткий явился в одиночку, как было договорено, опоздав на десять минут против назначенного времени. Светский обычай, опоздание в рамках приличия. Дельмар обвел взглядом пустую поляну, поднятые брови выразили брезгливое удивление. Он рассчитывал, что я буду здесь раньше него, подумал Нотаэло Рисовальщик, пристраивая арбалет к плечу. Все-таки я Двенадцатый, а он Третий. Тридцать Отцов на такой городишко, это ж надо... Служебный рост при эльфийской продолжительности жизни – настоящая проблема. С нагретого места редко уходят добровольно, к тому же у всех жены, любовницы, дети, прапра и так далее внуки. Всех нужно кормить. А как быть честолюбивому молодому эльфу? Еще тридцать-пятьдесят лет ждать, пока некий Отец, отмечая свой трехсотлетний юбилей, слегка переберет, и подавится рыбной косточкой? К Темному ожидание! Приходится делать карьеру другими методами. Человеческими методами. Извини, Дельмар. Ты мне никогда не нравился.

Гордый профиль Третьего-из-Тридцати попал в перекрестье оптического прицела, загорелись цифры: дальность до цели, скорость ветра, а также зеленые значки в форме магического

жезла. Мать Темного! – мысленно выругался Нотаэло, у него защита. Сколько жезлов? Раз, два... восемь?! Заклинание четвертого уровня, проклятье, не везет.

Дельмар в прицеле повернулся, поднял голову. Казалось, глаза его взглянули прямо на Нотаэло, пронзив листву и маскировочное заклинание-сеть... Рисовальщик почувствовал, как на лбу выступил холодный пот, а в подмышках стало мокро. Палец, лежащий на спусковом крючке, рефлексивно дернулся. Только не это, мелькнула мысль. У Дельмара защита четвертого уровня, стрела рассчитана максимум на второй...

Выстрела не последовало. Нотаэло перевел дыхание и неожиданно вспомнил, что арбалет системы Дельнора сделан в расчете как раз на такие случаи. С обычного предохранителя снимаешь заранее, перед выстрелом, вторым предохранителем служит само устройство спускового крючка. У того большой ход – чтобы наадренированные пальцы не подвели снайпера... Не подвели такого же Нотаэло, отслеживающего такого же Дельмара...

Третий-из-Тридцати не заметил стрелка, засевшего в ветвях. Одетый в темно-синий прилаженный камзол, эльф уже две минуты стоял посреди освещенной луной поляны, не проявляя, однако, никаких признаков нетерпения. Смотреть на часы, нервно озираться, потирать руки... Все это Дельмар счел ниже своего достоинства. Разве что на точеном лице с едва заметными признаками старения (Дельмару триста двадцать с чем-то, как помнилось Рисовальщику) отразилось презрение. Меня презираешь, подумал Нотаэло, вынимая из арбалета стрелу-неудачницу. Презирай на здоровье, недолго тебе осталось... Еще несколько секунд...

Эльф разжал зубы, отпуская стрелу, залягу на шестой уровень. Старые запасы – из арсенала политических убийц. Пять стрел-универсалов, раздобытых по счастливому случаю и за бешенные деньги. Коллегия Тайного Деяния – еще одно новшество времен войны – вполне человечески не стеснялась в средствах. Практика подтвердила: генералы и министры умирают не хуже простых солдат... А насколько хорошо умирают эльфы-Отцы?

Сейчас проверим.

Щелк! Стрела-универсал легла на положенное ей место. Нотаэло, стараясь не шуметь, взвел арбалет, вновь прильнул к оптическому прицелу. Лицо Третьего в перекрестье, надменность и презрение... Ждет все-таки, подумал Нотаэло. Очень я ему нужен. Скоро буду, уже недолго осталось. Стрела войдет между глаз, Дельмар Короткий... Между твоих красивых глаз.

Люди считают эльфов похожими, как близнецы – черты Нотаэло и Дельмара показались бы им слепами с одного нереально красивого лица, лица другой расы. Удивительно, что эльфы, при всем своем высокомерии, не путают людей, а вот люди плохо разбирают, кто из эльфов кто. И дело тут даже не в обостренной наблюдательности. Когда человеческие черты кажутся уродством, и людей различаешь по тому, насколько кто безобразен...

Пора. Нотаэло задержал дыхание, поймал перекрестьем шею Дельмара – стрела пойдет по дуге и ударит пожилого эльфа в область сердца. Стреляй в корпус, всегда в корпус, учил Рисовальщика старый спецназовец. Голова болтается, телом вертеть труднее. И ценных органов там больше. Старик был тем еще юмористом... Нотаэло плавно нажал на спуск.

Тунк! Арбалет в руках дернулся. Эльф начал считать. Раз, два... Касание.

Дельмар упал.

Нотаэло подошел к лежащему ничком Третьему, держа наизготовку десантный нож. Предстояла не самая приятная процедура, но, к сожалению, совершенно необходимая. Замести следы, как пишут в детективах, не так просто, как в тех же самых детективах рассказывают. Магические отпечатки, дознание камней и растений, провидческая ретроинспекция... Копать будут здорово. Весь город перевернут: сначала Отцы, потом Коллегия Тайного Зрения. Опросят знавших Дельмара, все связи Третьего поднимут... Большой человек был покойный. И дело громкое. Конечно, Тридцати Отцам шумиха ни к чему, поэтому дело попытаются закрыть, но искать не перестанут...

И найдут.

Я, подумал Нотаэло, оставляю очень четкий след.

... Два месяца назад случилось первое убийство. Эанд Элавиэль, сын Фаарва, был найден мертвым в собственном доме. Эанда привязали к стулу. Руки скручены проволокой, на шее – следы удавки, почти перерезавшей бедняге горло. Глаза выколоты, скальп снят. Красавец-эльф в самом расцвете сил стал жертвой неизвестных садистов. Убийцы оставили издевательскую записку, написанную, что удивительно, рукой жертвы. В ней Эанд каялся в грехах. Он признался, что, командуя взводом Лесных Стрелков, приказал расстрелять нескольких мирных жителей. Людей. Ферма была захвачена Стрелками, а трупы хозяев сброшены в компостную яму. Почему, зачем? Время было военное, многие грехи списывались за так... Эанд писал, что не может себе этого простить. Признание заканчивалось фразой: «Я решил покончить с собой.» И подпись: Эанд Элавиэль, сын Фаарва, раскаявшийся. Самоубийца? Как же... Выколол себе глаза, снял скальп, а потом еще и удавку накинул...

Разразился скандал. Вежливый такой, для узкого круга. В газеты не попало ни слова о случившемся, молчаливые ребята в темных камзолах, за спиной которых без труда угадывалась Коллегия Тайного Зрения, мгновенно замяли дело, изъяв следственные материалы. Коллегии Явных Отношений осталось только развести руками...

Еще через месяц и одну неделю произошло следующее убийство. В этот раз был казнен Наэдо Денувиэль, бывший комендант Места Отдохновения – концентрационного лагеря для пленных. Тут записка оказалась посолиднее: в две страницы и даже с именами людей, в смерти которых Денувиэль сознавался... В конце – пометка: «Я хотел бы вспомнить больше имен, но не могу. Простите меня.» Ниже, другим почерком: «У него плохая память, у нас будет получше». И подпись: Непростивший.

После этого Коллегия Тайного Зрения обратилась к Тридцати Отцам с просьбой о содействии. Теневые хозяева согласились и для начала прочесали город. Выловили кучу воров и шлюх, работающих самопально, без одобрения Отцов, посадили всех бездомных, от греха подальше, в камеры. Местность прочесывали специальные бригады. Внуки, оторванные от привычной работы, пугали пейзаж мрачными лицами и подозрительными взглядами... Нотаэло, выслушивая ежедневные доклады, не мог избавиться от ощущения, что стал заводилой в слишком большой игре. Заварить такую кашу – всего лишь ради повышения?

План был выстроен в расчете на Третьего. Дельмар Умиэль по прозвищу Короткий, когда-то тоже неплохо погулял в военной форме...

Отцы тем временем выдвигали версии. Версий было много, но только некоторыегодились как рабочие...

Убийца – эльф-ветеран с обостренным чувством справедливости. Ненормальный с психозом Последней войны. Или человеческая диверсионная группа, что, впрочем, не отменяет психа-ветерана... Только психов могло быть больше...

Никто не умеет ненавидеть так, как люди.

И прогуливались по окрестностям крепкие молодые эльфы с мрачными рожами...

Дельмара прозвали Коротким словно в насмешку – будучи выше Нотаэло на две головы, он сравнился ростом с высоким человеком. Шесть футов – почти предел для эльфа. Впрочем, лежа Третий не кажется таким длинным, зато изрядно горбится. Длинные, серебристого оттенка волосы разметались по плечам, левая рука неловко вытянута в сторону, правая – прижата весом Дельмара. Наверное, подумал Рисовальщик, он пытался рефлекторно закрыться, прежде чем упасть... Наверное. Синий камзол кажется черным...

Нотаэло присел на корточки, перехватил нож поудобнее. Осторожность и еще раз осторожность. Не считай зверя мертвым, пока его голова не окажется над твоим камином... Основное заклятие стрелы-универсала сожгло защиту цели, добавочное – Зеленого Студня, должно

превратить нервные волокна объекта в желе. Стоит наконечнику хотя бы оцарапать кожу... Эльф это, человек, гoblin или даже гном – без разницы. Мертвецу плевать: кем он был при жизни... Он – был. И больше уже не будет.

Последний тест. Нотаэло поднял нож, прищурился и с короткого замаха ударил Третьего в бок... Звякнуло. Нож скользнул по ребрам... панцирю! – вспарывая синий камзол. Что за... – успел подумать Рисовальщик, прежде чем нога «мертвеца» с размаху ударила его под колени. Нотаэло упал на спину, боль вышибла из головы всякое подобие мысли...

В следующий момент Дельмар встал над ним, держа за черенок стрелу-убийцу.

– Нехорошо, – Третий-из-Тридцати брезгливо поморщился. Левой рукой он пытался скрутить фигуру Мертвый Хват. Затекшая кисть плохо слушалась, но онемение скоро пройдет – пальцы эльфа обретут необходимую гибкость. И тогда Дельмар повяжет своего несостоявшегося убийцу заклатьем – по рукам и ногам. Чтобы и пальцем не шевельнул... А это для Нотаэло Рисовальщика верная смерть.

– На кого руку поднял, дешевка? – риторически спросил Дельмар. – На Отца руку поднял. Знаешь, что мы с такими в спецназе делали? Я тебе, сука, яйца отрежу, на углях испеку и жрать заставлю...

Не узнает, понял Нотаэло, пытаюсь справиться с болью и хоть как-то прийти в себя. Магия требует сосредоточенности... Перед глазами эльфа поплыли цветные круги. Колено – одно из самых болезненных мест, а тут – по обоим ударили... Ничего, сказал себе Нотаэло. Болит – значит жив. Лишь бы собраться, хоть на пару секунд забыть про боль...

– Скажешь, кто послал – умрешь быстро, – пообещал Дельмар, делая шаг в поверженному Двенадцатому. Рука поднялась в преддверии Мертвого Хвата. – Хотя я и так знаю. Не зря я Рисовальщика не люблю. Но ты все-таки со мной поговори. Если будешь молчать, сам понимаешь... Смерть обещаю страшную, на Острова Забвения зайкой явишься... А если ты в Законе, дерьмо, можешь требовать Отеческого суда. Я его прямо здесь устрою... И Рисовальщик твой тебе не поможет. – Дельмар словно споткнулся. – Или он тут рядышком остывает?

Дельмар упал на землю, подобрался, как кошка. Вспомнил Третий Отец слухи о человеческой диверсионной группе и – решил подстраховаться. Командир роты спецназа Дельмар Умиэль, Дельмар Короткий. Профессионал. Благодаря ему и ему подобным у Серебряных Пантер такая страшная репутация...

У горла Нотаэло оказалась стрела-универсал с погнутым наконечником – хороший панцирь у Дельмара, гномьей работы, заклатью сталь выдержал. Но даже помятый и тупой, наконечник опасен. Малейшая царапина – и встречайте Острова Забвения заблудшего эльфа...

– Только дернись, – предупредил Дельмар шепотом, едва не касаясь губами щеки Двенадцатого. – Мигом к праотцам отправлю... – тут взгляд эльфа натолкнулся на эмблему. – Какого...? – спросил он озадаченно. – Серебряная Пантера? Что ж вы, суки, своих мочите?!

Нотаэло сжал зубы. Еще чуть-чуть... боль отступает...

– Ты нам не свой, – неожиданно сказал Двенадцатый – неожиданно в первую очередь для самого себя. Никогда никому лишнего слова... И вот на тебе! В такой момент.

Зрачки Дельмара расширились. Узнал, понял Нотаэло. Что ж... пора! Пальцы привычно сложились в фигуру для заклатья...

– Рисо...

Дельмар застыл, глядя на свою правую руку со стрелой. Та остановилась в четверти дюйма от горла Нотаэло...

...Не считай зверя мертвым, пока его голова не окажется над твоим камином.

Жертва, схваченная мертвым хватом, обездвиживается на срок от тридцати секунд до нескольких часов – в зависимости от умения мага и силы, вложенной в заклатье. Если же Мертвый Хват закрутить в узел, чтобы заклатье поддерживало само себя – сутки-двое про-

валяется реципиент, не шевеля ни единым мускулом. Если не задохнется, конечно... Чтобы схваченный мог дышать, заклятие нужно накладывать умело, с хитрыми вывертами пальцев – поверх одно-двухминутного глухого Хвата. Пальцевать, как выражаются Отцы...

Закончив пеленать Третьего, Нотаэло быстро напальцевал себе «Забыть Боль» на ноги – и только после этого смог подняться... Ощущения как во сне, подумал Рисовальщик, ниже пояса не чувствуешь себя совершенно – как отрубили. Мать Темного, заклятие-то с подвохом! Ходить неудобно. А нормальное лечение требует времени, да и силы еще понадобятся...

Он нашел в траве нож. Весь перепачкавшись соком, вернулся к пленнику, посмотрел в глаза. Ярость, холодная, оглушительная ярость, презрение и страх взглянули на эльфа в ответ...

– У нас хорошая память, Дельмар, – сказал Нотаэло. Рисовальщик понимал, что желание выговориться – очень нездоровое желание, особенно в его положении. Болтливый нелегал – мертвый нелегал. Но ничего не мог с собой поделаться. Напряжение последних месяцев сказывалось. Постоянная ложь, жизнь в страхе, бег по острию меча – Нотаэло собирался поступить глупо... И – поступил.

Его право.

– Да, ты... все верно понимаешь, Дельмар... У нас... у людей, хорошая память, – заговорил Рисовальщик. Голос срывался, тело била дрожь – впервые за долгие годы Нотаэло Сотизель, Натаниэль Кавизел, разведчик-профессионал, пытался быть откровенным. И – не умел. Учился на ходу, сплевывая полу-правдой, полу-ложью, с кровью отдирая от лица приросшую маску... Нотаэло, Натаниэль, Нат... Нат Кавизел, сын Майкла, внук Рудольфа, правнук Кейна... Человек.

Как это – жизнь без маски?

– Я человек, Дельмар... Мне тридцать девять лет и три месяца. По вашим меркам мне еще под стол пешком ходить. Я молод, Дельмар, но уже старик. Один из многих молодых стариков, живущих под масками эльфов... Да, это жестоко, да – это нечестно. Но Последняя война – по-нашему: Алладорская, намертво застряла в людской памяти... Зачем вам только понадобилось побеждать, Дельмар?

Вы испугали нас, и теперь мы вас уничтожим. Мы, люди, умеем ненавидеть сильнее...

Натаниэль помолчал, глядя пленнику в налитые кровью глаза. Ох, дорого был дал сейчас Короткий за пару мгновений свободы...

– Как думаешь, Дельмар Серебряная Пантера, легко было найти человека с таким лицом?

Натаниэль провел рукой по гладкой, как у ребенка, щеке. Он никогда не брился – специальное заклятие уничтожило корни волос, но рука до сих пор помнила сладкое ощущение щетины под пальцами... Отец часто ходил небритым...

– Я родился красивым, Третий, – сказал Натаниэль тихо. – Не таким красивым, как ты, но – достаточно близко, чтобы люди из разведки заинтересовались деревенским пацаном. Мне было четырнадцать, и мой голос вот-вот должен был сломаться... Не успел.

Он помолчал.

– Четырнадцать. Иногда я вспоминаю, что у меня было детство, Дельмар – было и уже больше не будет. Разведка – жестокая работа. Нам всем было по двенадцать-четырнадцать... Молодые старики, надежда человечества... Капитан Стоквелл умел убеждать. Вы – наша надежда... А на следующий день начались занятия. Язык, манеры, эльфийская культура, традиции... И – инъекции. Не знаю, что нам кололи, какими заклятиями отравляли нашу кровь, но это было больно... Почти всегда. Кто-то умер, двое сошли с ума. Колхен сидел на крыльце и смеялся. Очень долго и очень странно смеялся... Ломка, Дельмар. У курильщиков опиума это называется ломка... Мы так привыкли быть людьми, нам хотелось этого, как курильщику – опиумной затяжки... Еще нам кололи гормоны... Зачем? Ты спрашиваешь: зачем?! Впрочем, ты молчишь, но я отвечаю... Мы не должны были взростеть... Никогда. Мне тридцать девять,

а я – все тот же четырнадцатилетний мальчишка. Мой голос годится для церковного хора... Он не сломался. Иногда я стою перед зеркалом и пытаюсь говорить ниже, как если бы остался человеком... Обычно это уже глубокая ночь...

Каждый день учебы был мучением. Но меня многому научили... Научили ненавидеть... И даже показали: кого... Это ведь самое главное: кого. Я так хочу быть человеком, Дельмар! Если бы ты знал, как страстно и безнадежно я этого хочу... Но единственное человеческое чувство, которое я знаю – это ненависть... У меня были хорошие учителя... И зачем вам только понадобилось побеждать?!

Теперь мы вас уничтожим.

Вы, эльфы, живете по пятьсот-шестьсот лет... По человеческим меркам – почти вечность. Вечность – это долго, Дельмар... Очень долго. У меня не так уж много времени... Лет через двадцать-тридцать я начну стареть – несмотря на все ухищрения... Мое лицо избородят морщины, глаза помутнеют... К тому времени я буду Первым-из-Ста в столице. И все те, кто учился быть вами – учился вместе со мной... Они тоже постареют...

И, значит, до новой войны осталось всего ничего.

Десять лет... Или пятнадцать... Или четыреста... Но однажды мы придем снова... Мы – это люди... И я.

Почему-то мое «Я» никак не уместается в понятие «люди»...

Кто я, Дельмар? Можешь ответить? Вот ты – можешь?! Нет, лучше молчи... Человек-эльф, эльф-человек... Полу-эльф... Полу-человек... Самая большая моя беда, что я хочу быть человеком, но – не могу... А быть эльфом... Иногда я чувствую себя одним из вас и – ненавижу каждую частичку своего тела... Прекрасного тела...

Изуродованного тела.

Мой голос вот-вот должен был сломаться...

Прости, Дельмар, сейчас будет больно. Что? Ты не волнуйся, я сам напишу для тебя записку с признанием... Впрочем, я уже написал. Вот она... Хочешь, чтобы я зачитал? Нет? Я так и знал... Подпишешь? Конечно, прости меня... Мы оба знаем, что Дельмар Короткий, бывший командир роты Серебряных Пантер, никогда бы не подписал ничего подобного. И уж точно не написал бы этого собственной рукой... Мы – знаем. Но те психи-ветераны, человеческая диверсионная группа, знают Дельмара Короткого много хуже... Прости, Дельмар, сейчас будет нож... А дальше – огонь. И шипцы... и что-то еще... Ненависть такая интересная штука... Я даже ни о чем не буду спрашивать... Ты будешь кричать, Дельмар? Кричи, если сможешь...

Я-то знаю, что нет ничего страшнее подавленного крика.

Восьмой рыцарь

– Гребцы?

– Зомби, как обычно. Ты же знаешь, големы нам не по карману...

– Знаю, – вздохнул Вальдар. Военные экспедиции дорого обходятся. Даже если ты – легендарный Вальдар Лемож, Капитан Висельников, и под началом у тебя не менее знаменитые рыцари. Одни имена чего стоят! Криштоф Штеховский, Брэнд Зануда, Станис Солонейк, Янка Злая Ласточка... Репутация – великая сила. Охотники драться под твоим началом собираются со всей страны, готовые служить без жалования, всего лишь в надежде на добычу – однако талеров в кармане не прибавляется...

Скорее наоборот.

Шестнадцати весельная речная галера. Сто сорок талеров. По четыре гребца на весло... плюс девять в запасе... Семьдесят три мертвеца. Двадцать шесть лютецианских талеров. Заклинание стазиса, обычно используемое для армейского провианта, сохранит запасные трупы в целости. Ни гнили, ничего. Два талера. А как быть с теми, что сядут на весла?

– Заклинание от запаха? Иначе задохнемся.

Криштоф поморщился.

– Тут небольшая закавыка, Капитан...

– Хочешь, сказать, мы остались без заклинаний? Не надо так шутить, Криштоф.

– Не то, чтобы совсем... Но, как бы сказать... Какой-то ублюдок скупил все на корню! – взорвался Криштоф. – Шомполом бы гада проучить! Чтобы в доме навозом не воняло, нужно грязь из дому выскребивать и мыться чаще! А не заклинания бочками таскать... Вообще все скупил. Негоцианты у нас две недели просят, чтобы с Новиграду товар привезти. И цену заламывают... ух!

– Ты его нашел?

– Нет, Капитан. Прости. Как в воду канул... – Криштоф задумался на мгновение. – Слушай, мне тут один торговый предложил заклинания особые взять. Наподобие духов дамских. Только поядренее. Пусть, значит, не убрать запашок, зато – перебить. Может, Капитан, какой-нибудь цветочный аромат, а? Там фиалки, розы...

Представив мертвецов, благоухающих свежими фиалками, Вальдар содрогнулся.

– Не пойдет. Мы за пару дней так цветочной мертвечиной провоняем – за всю жизнь не отмоемся. Представь, как нас встречать будут? Курам на смех, воители...

– Чтоб ей шомполом через алебарду! Может, ну их к чертям песым, этих зомби? Ребят на весла посадим?

Вальдар задумался. Будь это морская пехота или удалцы из Братства Каракатицы, привычные к веслу и абордажной сабле – как бы все просто решилось. Эх, мечты, мечты!

– Не пойдет. Для гребли навык нужен. Иначе только людей покалечим.

– А что тут сложного? – пожал могучими плечами Штеховский. – Сам за весло сяду, если надо.

– Поверь на слово – сложностей больше, чем ты думаешь... Ладно, Криштоф, этим займемся позже. Порох?

– Уже погрузили. Пять бочонков. Еще свинца фунтов семьдесят. Пуль обсидиановых и из горного хрусталя по два выстрела на мушкет... Их у нас шестнадцать штук...

– Мало. Два выстрела – только пугнуть.

– Знаю, что мало, Капитан – только где ж взять? Если нарвемся, придется по карманам шарить и серебро на пули переливать. Не в первый раз. А святой воды у нас хоть отбавляй...

– Откуда?

– Заглянул священник из Наольской церкви, сели, побеседовали – глядь, а мы с ним родственники по линии троюродной тетки! Мир тесен, песья кровь. Представляешь, моя прабабушка с материнской стороны, урожденная графиня Цвейг-Суховская...

– Криштоф, избавь меня от своей родословной. Поверь, я очень уважаю графиню Цвейг-Суховскую... но давай не сейчас... Значит, освящение запасов воды обошлось нам в четверть талера?

– Полтора.

– Полтора талера?! Вы что, всем родовым древом пили?!

– Он мой четвероюродный племянник, Капитан. Не могу же я экономить на родственниках?

Вальдар оглядел внушительную фигуру Криштофа, вздохнул:

– Не можешь.

Иногда ветер дул на реку, и становилось легче дышать. Вальдар повернулся, чтобы не видеть страдальческое лицо хозяина корчмы. Указать на дверь знаменитому рыцарю тот вряд ли решиться, но...

«Скоро начнут говорить, что дело наше дурно пахнет.»

– Мессир Лемож? – раздался негромкий голос.

Вальдар повернулся. Ага, аристократ. Лет двадцати. Среднего роста, хорошо сложенный, тонкие черты лица, глаза светлые – то ли серые, то ли зеленые. При таком свете не поймешь. Но взгляд ощутимо острый. Темно-синий камзол отделан серебром, воротник из тончайшего кружева. Зато шпага на простой кожаной перевязи. И судя по всему, боевой клинок, а не дуэльная безделушка...

– Присаживайтесь, сударь. У вас ко мне дело?

– Я слышал, вы набираете волонтеров?

Доброволец, значит. Сколько их за последние дни здесь перебивало – страшно вспомнить. Подвиги хотят, славы... Любители! Профессионалы обычно хотят денег... В висках закололо, словно иголкой. Надо приказать, чтобы после загрузки галеру отогнали ниже по течению. Или выше... лишь бы подальше...

– Ваше имя?

– Ришье.

И никаких титулов? Которые, впрочем, у него на лбу написаны... Вальдар поборол желание послать молодца ко всем чертям. Проклятье! Голова просто раскалывается...

– Прозвище есть?

– Лисий Хвост.

– Чем знамениты? В каких кампаниях и под чьим началом участвовали?

– Ничем не знаменит, ни в каких компаниях не участвовал. Под началом тем более не состоял... Я хотел бы присоединиться к вашему отряду, мессир Вальдар.

Вот так. Ничего не умею – возьмите и радуйтесь. Этот хотя бы честен. Не пытается приписать себе участие в Войне Кланов или службу под началом Белого Герцога? Приятное исключение. Хотя при его молодости и полном отсутствии смущения это больше напоминает цинизм, нежели честность.

– Что умеете? Воинское ремесло? Кавалерия, инфантерия, специальные операции? Может быть, магическая подготовка? – спросил Вальдар без особой надежды. – Нам бы очень пригодилось.

Ришье пожал плечами.

– Фехтую, стреляю, дерусь, немного разбираюсь в магии. Самый обычный дворянин.

А вот сейчас он должен улыбнуться, подумал Вальдар. Так мерзко, как это умеют только аристократы...

Ришье остался невозмутим.

– У меня служат профессионалы, молодой человек, – сказал Вальдар устало. – Ветераны. Некоторые сражались под знаменами Виктора Ульпина, легендарного Белого Герцога, другие – под началом его знаменитого противника Роланда Дюфайе. Это не считая постоянной практики в войнах Фронтيرا... У кого-то послужной список скромнее... Но все мои люди имеют выучку, которой позавидует Орден Экзекуторов. Они профессиональные солдаты, черт возьми! Если фехтовальщики – то высшего класса, если стрелки – то попадающие с сотни шагов белке в глаз. Вот и скажите, Ришье, почему я должен взять вас?

– Потому что я настаиваю, мессир Капитан.

«Он настаивает!»

– Это военная экспедиция, а не увеселительная прогулка, мессир Лисий Хвост!

– Я знаю, мессир Капитан, – спокойно ответил молодой рыцарь. – Однако я также знаю, что вам без меня не обойтись.

– Да что вы говорите? – Вальдар уже не пытался скрыть раздражение. – Вы настолько хороший боец?

– Если честно, то... не слишком.

Вальдар поднял брови.

– Зато, – совершенно невозмутимо продолжал Ришье. – У меня есть то, что гораздо важнее десятка опытных бойцов.

– Что же это? Неужели ваш врожденный аристократизм?

– Лучше, мессир Капитан. Много-много заклинаний от неприятного запаха. Говорят, по весне зомби особенно... ароматны.

Ришье усмехнулся. Именно так мерзко, как Вальдар от него ожидал...

* * *

Галера набирала скорость. Под мерный грохот барабанов весла поднимались из реки, пролетали над волнами и снова погружались в воду. Темп Гребной Мастер задал щадящий, пока «мертвяки не привыкнут». Шесть ударов в минуту. К завтрашнему утру Мастер обещал выйти на крейсерский ход. Значит, через пять дней, подумал Вальдар. Пять дней и – все решится...

Солдаты в разноцветных мундирах заняли верхнюю палубу. Чистили оружие, играли в кости, плевали за борт. Доносились раскаты смеха. Некоторые по старой солдатской привычке завалились спать. Пускай отдохнут пару часов, решил Вальдар, освоятся на реке – а там уж дело за капралами. Разлениться у меня еще никому не удавалось...

– Мессир, – обратился Вальдар к рыцарям. – Прошу в палатку.

...Нам будет противостоять дружина гейворийцев. Двадцать-тридцать хорошо обученных бойцов. Плюс местные силы самообороны – это еще человек двадцать, плохо вооруженных, почти не обученных... но забывать про них все же не стоит.

– Варвары опасны только в рукопашной. Без строя...

– Эти гейворийцы натасканы для боя в правильном строю, – сказал Капитан. – Кроме мечей, они вооружены пиками. Мушкеты, пистолеты, ручные бомбы. Заклинания, обереги... дикарский уровень, но все равно. К тому же, у них есть мастер боя на длинных мечях. Не гейвориец. Ханнарец. Зовут Краск.

– Ага, – кивнул Криштоф, – Знаю такого.

– Кроме того, кавалерии у нас нет, не забывайте.

– Не сходитесь, – сказала вдруг Янка Злая Ласточка. – Тридцать профессиональных солдат, которым гейворийцы, при всем их обучении, в подметки не годятся... И семь рыцарей – знаменитых! Против горстки головорезов? Темнишь, Капитан.

– Темню, – согласился Вальдар. – Темню, Ласточка. Дело не в гейворицах... Дело в их командире. Он меня беспокоит. Противник достойный, можете поверить... У такого врага могут быть в рукаве любые козыри.

– И кто же этот достойный? – спросила Янка. Рыцари заинтересованно придвинулись к Капитану. За их спиной Лисий Хвост невозмутимо ждал. «Впрочем, ему-то любые имена мало что скажут». Вальдар выдержал паузу.

– Анджей по прозванию Мертвый Герцог.

Молчание.

– Да-а, – протянул Станис. Рыцари зашевелились. – Капитан, это что, шутка? Он же умер.

– Мерзавец жив, – Вальдар окинул рыцарей испытующим взглядом. «Никто глаза не прячет? Молодцы. Не так страшен Анджей, как его слава». Усмехнулся. – Уж можете мне поверить. А вот насколько жив, нам предстоит выяснить...

– Попрошу высказаться, – сказал Вальдар. – Начнем, как обычно, с младших. Ришье?

Лисий Хвост пожал плечами:

– Я слышал о Мертвом Герцoge... но и только.

– Адам?

– Отказаться, как понимаю, поздно? – улыбнулся Бродиган. Янка не сдержалась и прыснула в кулак. Вальдар смотрел терпеливо. – Извини, Капитан. Мое мнение как боевого мага... Не знаю. Я плохо понимаю, к чему готовиться. Это правда, что Анджей был серьезно ранен?

– Криштоф?

– Правда, Капитан, – сказал гигант и почесал грудь. – Почти мертв, шомпол тебе через алебарду. Сам видел. Бомбой полчерепа снесло... руку оторвало и грудь разворотило... Сердце, помню, как на ладони и – трепыхается, что твой карась...

– А дальше? – заинтересовался Адам.

– Ну, а дальше я в атаку пошел, потом в осаде два месяца сидел... Нас тогда здорово лютецианцы прижали. Не знаю, что с ним было... Но вроде бы помер.

– По моим сведениям, – сказал Вальдар, – Герцог с виду совершенно здоров, руки и ноги в наличии. Чтобы это значило? Адам?

– Черная Месса, Капитан. Больше ничего в голову не приходит.

– То есть душу он продал?

– Должно быть, – ответил Адам без особой уверенности. – Не знаю.

– Мне нужен четкий ответ, мессир Бродиган. Продал или нет?

Молодой рыцарь задумался.

– Да. Другого способа излечиться после таких ран я не вижу. Разве что божественная благодать...

– Ну уж нет, – сказал Криштоф. – Церковь знает всех излеченных Божественным вмешательством наперечет. Это я тебе, сынок, как отец-Экзекутор говорю. Анджея среди праведников нету. Сомневаюсь, что ехиднин сын часто ходил к заутрене...

– Значит, продал, – уверенно заключил Бродиган. – Будем бить.

– Спасибо, Адам, – сказал Вальдар. – Яким?

– Я сражался вместе с ним под Китаром, – сказал Яким Рибейра, смуглый и невероятно красивый лютецианец. – Я командовал ротой драгун. Под началом Анджея был отряд гейворийских наемников. Никогда раньше не видел, чтобы гейворийцы дрались так... отчаянно и умело. Он отменно вымуштровал этих варваров. Храбрый воин. Отличный командир. Настоящий солдат, – Рибейра обвел рыцарей серьезным взглядом, потом неожиданно блеснул зубами в улыбке. – Так на его могиле и напишем!

– Спасибо, Яким. Брэнд?

– Боюсь, нам придется нелегко, Капитан.

– Ты как всегда прав, Брэнд, – сказал Рибейра с улыбкой. Рыцари пытались скрыть смешки. Ришье уже знал, почему Брэнда прозывают «Вечно Правый» – или, гораздо чаще, Зануда. Вещи он говорит вроде верные, но – давно и всем известные. Однако Брэнд хороший исполнитель. Без особой фантазии, зато въедливый до мелочей...

Зануда показал Рибейре кулак.

– Станис?

– Я с вами, Капитан, – сказал Станис по прозвищу Могила.

– Криштоф?

– А что тут думать? – проворчал гигант. Штеховский сидел на единственном стуле, поставив между колен тяжелый меч. Как многие рыцари-Экзекуторы, он предпочитал массивные двуручники новомодным саблям и шпагам... Криштоф покряхтел, шмыгнул носом. – Драться так драться. С Мертвым Герцогом, так с Мертвым Герцогом.

– Орден Очищающего Пламени прикроет нас в случае чего?

– Боишься, после дела нас на первом же суку вздернут? – поднял бровь Штеховский. – Не бойсь. Какая бы тварь вместо Анджея не сидела, грохнуть ее надо – будь это лич или оборотень... – Криштоф шумно вздохнул. – Орден благословение даст, Капитан, не сомневайся... Хотя, шомполом тебя через алебарду, Анджей и при жизни был – тварь изрядная! Пусть и воин хороший...

...Открыв глаза, Капитан некоторое время лежал в темноте, наслаждаясь покоем. Странная все-таки штука – привычка. Крепко спишь под громовой храп, а просыпаешься от тихого смеха. Может, показалось? А сон был хорош. Бессмысленный и очень мирный. На зеленой поляне сидели девушки... наверное, все-таки феи... тихие и уютные... И голоса у них были точно такие же – тихие и уютные...

Смех! Не показалось.

Вальдар встал, натянул впотмах рубаху. Осторожно, чтобы не спугнуть фей, выглянул из палатки.

По залитой лунным светом палубе косолапил Криштоф.

То есть, в первый момент казалось, что это Штеховский – даже несмотря на рост, чуть ли не в два раз меньший, чем у рыцаря Очищающего Пламени. Лже-Криштоф вел себя в точности, как оригинал. Косолапил и шмыгал носом, чесал грудь и размахивал правой рукой. Левая рука по привычке придерживала у пояса тяжелый меч... легкую шпагу?

– Песья кровь, – добродушно ворчал Лже-Криштоф. – Что разлеглись, ехиднины дети? Ружья кто чистить будет? А, шомполом тебя через алебарду!

На палубе негромко засмеялись. Чистыми легкими голосами. Янкины амазонки... феи...

– Сию минуту, милсдарь! – ответил женский голос. Лже-Криштоф повернулся... какой к черту Криштоф! Адам, изображающий Штеховского. Вальдар покачал головой. Дурачится молодежь... Адам Бродиган рассказывал, что полгода проездил с бродячим театром – увлекся одной актрисой... А актерством, он там, случайно, не увлекся?

– У вас талантливые люди, Капитан, – раздался за спиной негромкий голос. Ришье? Вальдар не стал отвечать. Он до сих пор не мог решить, как относится к молодому рыцарю. Как к авантюристу? Искателю славы? Лазутчику? Якиме Ришье понравился, но Яким – человек непростой... ох, непростой...

– Дядя Криштоф, еще чуточку.

– Шевелись, чертовка! – в притворном гневе топнул ногой «милсдарь». Вальдар невольно усмехнулся. Криштоф частенько напускал на себя грозный вид, но – тщетно. Янкиных амазонок не проведешь. Девчонки из рыцаря веревки вили. – И сколько раз говорить: я вам не дядя Криштоф, а великий воитель Криштоф Людвиг Иероним Штеховский!

Смех.

– Как прикажете, пан великий воитель дядя Криштоф Штеховский!

Слышал бы это «пан великий воитель», мирно храпящий на всю галеру... Да ничего бы не было. Адам понюхал бы волосатый кулак, выслушал пару ласковых, и – все. Через полчаса размякший Криштоф назвал бы амазонок «дочками» и позволил посидеть у себя на коленях...

Тоска подступила к горлу. «Не уснуть».

– Ришье? – тихо позвал Вальдар. – Вы еще здесь?...

– А люди потом назовут наш поход как-нибудь романтично, – сказал Лисий Хвост. – Скажем, Поход Героев. Вам нравится, Капитан?

– Нет. А вам, Ришье?

– Ну я-то не герой.

– Да? – Вальдар посмотрел рыцарю в глаза. – Замечательно. Больше всего я не люблю ситуации, когда возникает необходимость в героях. Война – это работа, Ришье. Ее нужно вести умело и спокойно. Профессионально. Когда же любитель берется за работу профессионала... Вкривь, вкось, с надрывом и кровью... И обычно умирает, надорвавшись... А потом веками живет в народной памяти... Это и есть – героизм. Иногда он поразительно напоминает глупость, не находите?

– Вы не любите героев?

– Я – профессионал, – отрезал Вальдар. Несколько более резко, чем собирался. Помолчал. – Спокойной ночи, Ришье.

– Спокойной ночи, Капитан. Хороших снов.

* * *

– Почему его называют: Мертвый Герцог? – спросил Ришье.

– Однажды в бою Анджей отрубил солдату голову и поскакал в атаку, держа жуткий трофей перед собой. Он знал, что кавалерией со стороны противника командует какая-то «ваша светлость»... Идея показалась Анджею удачной. Он стал орать... остальные подхватили... Представьте, весь отряд наступал, крича «Мертвый герцог! Мертвый герцог!».

– Ловкий трюк, – сказал Ришье. – И что, выгорело?

– Они обратили противника в бегство... в паническое. Это считается за «выгорело», мессир Лисий Хвост? – Адам улыбнулся. – А герцог на самом деле лишился головы – только по другому поводу. Дворцовые интриги. Анджей тут ни при чем... Но его слава, как одного из лучших наемных капитанов, только выросла. Спросите любого солдата о Мертвом Герцoge – услышите столько небылиц и легенд, что самому Капитану Висельников впору... Правда, про нашего Вальдара истории... хм-м... гораздо более жуткие...

– Спасибо, Адам.

* * *

– Ваше счастье, что это произошло здесь, а не на глазах у солдат, – Капитан метал громы и молнии... То есть выглядел даже более спокойным, чем обычно.

– Мессир Ришье!

– Мессир Капитан?

– Перевяжите царапину и ступайте вниз. Весло ждет. Гребной Мастер покажет ваше место... Трехчасовая вахта вас устроит?

– Вполне, мессир Капитан, – сказал Ришье. – Я как раз хотел размяться.

– Хорошо. Помните, в следующий раз я не буду столь снисходителен. Еще одно нарушение дисциплины, Ришье – и я предложу вам прогуляться за борт. А на территории неприятеля повешу без особых церемоний. Вы меня поняли?

Ришье молча поклонился и направился к выходу.

– Отлично, – сказал Вальдар. – Мессир Станис!

– Капитан?

– Еще одна подобная выходка – и вы окажетесь за одним веслом с Ришье. Вам ясно?

– Да, Капитан.

Вальдар проводил Станиса взглядом. Черт знает что, а не военная экспедиция! Превратили казарму в курятник... Станис пожирает Ласточку голодным взглядом – разве только слепой не заметит. А ей вздумалось начать войну с Ришье. Теперь Станис волком смотрит. Свалился же на мою голову... герой, голова горой. Девчонку-то хоть не покалечил?...

– Капитан?

– Входи.

Рибейра присел на стол, сложил руки на колене.

– Ну как? – спросил Вальдар.

– С ней все в порядке, – сказал Рибейра. – Не знаю, где Ришье выучился так аккуратно бить, но – живехонька и здоровехонька наша красавица. Солнышко наше злое...

– Яким, – поморщился Вальдар.

– Ладно-ладно. Не буду ерничать. Я на всякий случай заставил ее по палубе вышагивать... Береженого бог бережет. Но, скажи, откуда этот Лисий Хвост взялся? Аристократ он настоящий, уж в этом я разбираюсь. Где ты его такого выкопал, Капитан? Если не тайна.

– Сам пришел.

– Сам?

... – Подожди, Капитан! Ты хочешь сказать, Ришье обвел тебя вокруг пальца? Тебя?!

– Да.

– Ловкий малый, – оценил Рибейра. – И наглый. Не знаю, каков парень в настоящем деле, но он мне уже нравится. Лисий Хвост, значит?

– Да. Не забудь...

– Будь спокоен, Вальдар. Я за ним присмотрю. Кстати, о покое... Янку наказывать будешь?

Вальдар вздохнул:

– А куда деваться? Дисциплина – на то и дисциплина, чтобы для всех.

– Хочешь совет?

Вальдар поднял бровь.

– Посади ее на одну банку с Ришье, – сказал Рибейра. – Погребет часок...

– Сдурел?

– Ничего, она девочка крепкая.

... – Напротив, сударыня. Я боюсь женщин. Опаснее существ... впрочем, ладно, – Ришье усмехнулся, налег грудью на весло. По загорелому лицу катился пот. – Мужчина, который не боится женщин, – он потянул весло на себя, перевел дыхание. – Дурак или сумасшедший. Или мужеложец...

– Что там?

Рибейра пожал плечами:

– Любезничают.

– Чего-о?

– Ну, грызться им уже надоело. Теперь просто беседуют. Если дыхания хватает.

– А Станис?

– Слышишь ругань?

Вальдар прислушался. Точно. Характерный разговор нескольких мужчин, у которых что-то не заладилось.

– Что они делают? – не понял Вальдар. – Какие еще сети?

Рибейра улыбнулся, как сытый кот.

– Ласточка вылезет потная-потная, верно? Злющая! А что нужно женщине, чтобы почувствовать себя женщиной? Вода. За неимением ванны подойдет и купальня. Вот ее солдаты и сооружают. А Станис командует. Вообще-то нужно всего несколько жердей и сеть... Спустить с кормы и...

– Жерди? Откуда?

– Пики тоже подойдут. Надеюсь, не утопят.

Разговор за стеной стал громче – почти до крика.

– Иди, – сказал Вальдар. – Пошли им на помощь Янкиных амазонок. А то они скоро Станиса за борт уронят... Чтобы любовный жар остудил.

– Давно пора. Все равно ему ничего не светит.

– Почему? – удивился Вальдар. – Я думал, Станис смотрится выигрышнее Лисьего Хвоста.

– Простыми словами?

– Желательно.

Рибейра ненадолго задумался.

– Скажем так: Ришье кормит ее с ладони и по зернышку, а Станис... О, наш Станис сразу распахнул ворота амбара. Ешь, мол, любимая... Тут выбор очевиден...

– Да?

– Да, Вальдар, да. Она все-таки Ласточка, а не корова.

Мышцы болели. Все. Словно превратились в студень. Ришье сел на палубу, прислонившись спиной к фальшборту. Бродиган расположился рядом.

– Знаешь, что интересно, Ришье... Из всей рыцарской компании я не могу изобразить только двоих. Вернее, изобразить как раз могу – внешние признаки, привычки, любимые жесты, выражение лица... Но это все ерунда. Воплотиться, надеть личину, сыграть – не могу. Фальшь чувствую.

– Это тебя тревожит?

– Не то, чтобы тревожит... раздражает. Распалает. Вызов моей профессиональной гордости, как-никак.

– Я один из тех, кого ты сыграть не в состоянии? Как приятно... Кто второй?

– Станис. Ты удивлен?

– Я ожидал услышать другое имя. Впрочем, неважно... Продолжай, Адам, ты меня заинтриговал.

– Понимаешь, я часто думаю: мы знаем о каком-то человеке почти все... но знаем ли мы человека? Должна быть какая-то сердцевина... не знаю... Вот бывает так – человек вроде плох с виду совершенно, а сердцевина у него – светлая и твердая. Только как узнать?

– А бывает наоборот, правильно? – сказал Ришье. – Когда с виду все здорово, а сердцевина – гнилая.

– Бывает.

* * *

На входе в замок его обыскали. Угрюмый гейвориец с татуировкой на лице – заставил сдать шпагу и амулеты. Тщательно прощупал подкладку василькового камзола, заставил снять сапоги... – Только ты мне их потом сам наденешь! – пригрозил Ришье. – Не видишь, я ранен. Варвар проворчал в ответ что-то маловразумительное...

Повязку на левой руке гейвориец чуть ли не обнюхал.

– Снимай! – приказал наконец.

– Иди-ка ты, любезный, к чертям собачьим, – предложил Ришье. Если снимут бинты – не страшно. А если ковыряться начнут? – Ты своими немытыми руками мне в рану залезешь, а я потом – ложись и помирай, что ли? Иди за начальством, бестолочь. Скажи, парламентар от Капитана Висельников пришел... Или мне еще раз повторить?

Полчаса спустя Ришье вошел в дворцовый покой. В кресле сидел плотный русоволосый человек в черном камзоле без украшений. Анджей по прозвищу Мертвый Герцог. С виду ничего жуткого. Ворот камзола распахнут на бледной груди. Русоволосый читал книгу.

– Парламентар? – человек поднял взгляд. – От Вальдара? Как твое имя, посланец?

Ришье вздрогнул. Губы Герцога улыбаются, а глаза – как лежалые мертвецы...

– Репутация – великая сила, – согласился Анджей. – Но почему Вальдар не пришел ко мне сам, лично? – Мертвые глаза с припухшими веками прищурились, словно в насмешке. – Я солдат, он солдат. Разве нам не договориться?

– Это ваши с Капитаном трудности, – Ришье пожал плечами. Движение отозвалось болью в левой руке. – Мое дело простое. Я парламентар.

– То, что ты пришел сюда, размахивая белым флагом, еще не делает тебя бессмертным... Не боишься? Это мне нравится. Ты, несомненно, храбрый сукин сын, Ришье... А я люблю храбрых сукиных детей.

– Что не мешает вам развешивать их на деревьях, как груши? Что с людьми Капитана?

– О них не беспокойся. Впрочем, почему бы и нет... Хочешь посмотреть?

«Тебе это нужно, Лисий Хвост?» Ришье кивнул. Анджей подошел к дверному проему, снял со стены факел. За мной, показал жестом, и двинулся вперед по узкому коридору.

– Знают люди, на что идут – как думаешь, Ришье? – спросил Анджей, не оборачиваясь. – Простая задачка, а решение – ох, какое непростое. Вот ты командир, за тобой идут люди – это их выбор? Или все-таки твой? Подумай. Кстати, сомневаюсь, что люди Капитана выбрали бы колья и петли...

– Другие способы казни показались им... не такими интересными? – спросил Ришье.

– А ты еще и наглый, – отметил Анджей с каким-то даже удовольствием. – Мне нравится. Давай, не отставай... сам все увидишь...

Честь переступить порог Герцог доверил гостю, шагнул следом... Сад внутри крепости? Слышали, видели... Сперва Ришье решил, что статуя ожила. Тьфу, ты! Огромный гейвориец отсалютовал и вновь замер. Как Анджею удалось добиться такой дисциплины от варваров?

– То, что о вас говорят – правда? – спросил Ришье, оглядываясь. Внутренний садик, зеленая трава, стриженные деревья. Желтовато-серые голыши в высокой траве...

– Что именно? – Анджей споткнулся. – О, черт!

– Знаешь, Ришье, – сказал он, шагая медленнее и глядя под ноги. – Обо мне столько говорят... Я уже сам не всегда помню, где правда, где вымысел. Иногда это приятно. Чаше – скучно.

– О, черт! – теперь споткнулся Ришье. – Булыжников тут... – Ришье наклонился, поднял камень. То, что он сперва принял за булыжник, оказалось идеально отполированным человеческим черепом. Привет, приятель, как поживаешь?

– Себе возьми, – посоветовал Анджей насмешливо. – На память. Давай, поторопись, ты же хотел увидеть... – Герцог в нервном возбуждении миновал фонтан в виде девушки с кувшином, махнул рукой. Сюда! Ришье отбросил череп, догнал Анджея и вместе с ним свернул за угол... Остановился. К горлу подступила тошнота.

– Ты же это хотел увидеть? – сказал Герцог. Казалось, Анджей искренне наслаждается зрелищем. – Вот они... люди Капитана...

– Сам вижу, – голос прозвучал неестественно холодно. «Война – это работа, Ришье. Ее нужно вести умело и спокойно».

– А ведь он еще сомневался! – рассказывал Анджей на ходу. История предательства казалась ему на редкость занимательной. – Видимо, решил сделать последнюю попытку... У него было пять дней. Он признался Ласточке в любви. Предложил руку, сердце, шпагу... и прочую романтическую чушь. Кажется, один раз даже угрожал.

– Думаю, Янка, со свойственной ей очаровательной непосредственностью, послала Станиса куда подальше?

– Правильно думаешь. Ты умный и храбрый сукин сын, Ришье. Ты нравишься мне больше и больше... Но я все равно тебя повешу.

– Спасибо. А что со Станисом?

Анджей пожал плечами.

– Ничего. Предатель сделал свое дело, завел Вальдара с его воинством в засаду... и должен получить награду. Я, видишь ли, не привык отказываться от своего слова...

– Могу я с ним поговорить?

Анджей повернулся и внимательно посмотрел на Ришье.

– Не разочаровывай меня, дружище, – сказал Герцог. – Не надо... Уж не хочешь ли ты посмотреть Станису в глаза? Мол, совесть проснется? Ерунда. Смотреть в глаза живому предателю вредно. Глаза, видишь ли, всегда у них бегают. Голова может закружиться.

– А мертвому?

– Что – мертвому? Думаешь, я позволю его убить? Черта с два. Я с ним еще не закончил. Кстати, что у тебя под повязкой?

– Где?

– Ришье, Ришье, – покачал головой Анджей. – На левой руке. Под бинтами. Думаешь, провел меня? Разрезал предплечье и сделал из него ножны? Это кинжал? Пистолет? Какое-то заклинание?

– Стиллет, – сказал Ришье. Анджей поднял брови. – Обсидиановый. Если активировать на крови – получится шпага. Я неплохо фехтую.

– Адам делал?

– Адам.

– Я много слышал о вашем маге. Возможно, мне нужно с ним познакомиться. Хотя... судя по всему, он не такой, как ты... или Станис.

– Я тоже не такой, как Станис.

– Ну вот, обиделся. Не надо, Ришье. Будешь обижаться, повешу раньше, чем собирался...

– Я парламентар, – сухо напомнил Ришье.

– Значит, будешь висеть на фоне белого флага... Ладно, оставь себе эту игрушку. – Анджей повернулся к Ришье спиной. – Вперед, мы почти пришли. Сейчас начнется представление...

Из окна сверху они наблюдали, как Станис схватил Янку в объятия, прижал к груди, осыпал поцелуями. Девушка не сопротивлялась... Наложили заклятие? Ничего, Ласточка, потерпи немного... Адам разберется...

– Ну и что, что зомби? – сказал Анджей, поворачиваясь к Ришье. – Зато она действительно его любит.

– То есть она... мертва?

– А ты знаешь другой способ?

Ришье покачнулся. Держись, держись, еще немного. Ришье усилием воли отогнал беспомытность...

Станиса охватили сомнения. Рыцарь отодвинул девушку от себя, посмотрел в глаза...

Закричал.

– Слышал сказку о неразменном гроше? Так вот, душа – тот же неразменный грош... вернее, не грош... мешок талеров! Продав душу один раз, ты можешь продавать ее снова и снова – а капитал будет только расти. Когда меня распотрошила бомба, я решил рискнуть. Совсем одурел тогда от боли, – Анджей потер лоб, словно от воспоминаний у него раскалывалась голова. – Подмахнул договор, прикупил жертву... К жертвеннику меня несли на руках – зато оттуда я вышел сам. Здоровый, полный сил и помолодевший на десять лет. Потом появился Хозяин Тотемов... Я решил, двум смертям не бывать...

– И пустил душу в оборот.

– Верно, Ришье. Пустил душу в оборот.

«Когда любитель берется за работу профессионала... Вкривь, вкось, с надрывом и кровью...»

Ришье согнул левую кисть. Обсидиановый стилет прорвал основание ладони и лег в пальцы. Рукоять мокрая... как бы не выскользнула...

«Больше всего я не люблю ситуации, когда возникает необходимость в героях». Салют, Вальдар, Капитан Висельников!

Герцог смотрел в окно. Гейворийцы отражали нападение мертвых гребцов... Если это можно назвать атакой. Несколько десятков мертвецов вяло передвигались по двору, скрючившись, словно с больным животом... Значит, Адам где-то рядом...

– Не вижу Вальдара! – азартно комментировал Анджей. – А... еще один... Почему Капитан Висельников не возглавил свою армию?

– Вальдар умер от ран, – сказал Ришье. – Надеюсь, его хорошо встретили на небесах... А ты отправишься к чертям в котел, Анджей. Я не шучу.

– Ты все-таки чертовски храбрый сукин сын, Ришье! – засмеялся Мертвый Герцог, по-прежнему глядя в окно. – Скажи, почему я должен отправляться в ад?

Старое поверье. Живая кость можно убить любого колдуна. Адам подозревал, что обсидиан будет бесполезен...

– Герцог?

Анджей повернулся... увидел забрызганного кровью Ришье... замер... в мертвых глазах мелькнуло нечто, напоминающее испуг... Ришье ударил. Вспышка боли! Срубленные под острым углом кости руки вонзились Анджею в грудь... пошли к сердцу...

Анджей зашипел. В мертвых глазах наконец появилось некое подобие жизни. Ришье навалился на него, всем телом вгоняя остатки руки глубже... Выдохнул в бледное лицо:

– Потому что я настаиваю, месьсир Мертвый Герцог.

«Это военная экспедиция, а не увеселительная прогулка, месьсир Лисий Хвост!»

Я знаю, месьсир Капитан. Уж это-то я знаю...

Король мертвых

– Долгой жизни и честной смерти, милорд.

Серое утро. Раскисшая, стоптанная в грязь земля, влага в воздухе, мелкими каплями оседающая на коже. Осень лезет мокрыми руками в чужой дублет...

В мой дублет.

– Долгой жизни, сэр Аррен, – ответил я негромко. – Пришли посмотреть на казнь?

– Я пришел проводить несчастного в последний путь.

– Вам он нравился? – поинтересовался я. – Впрочем, не отвечайте... Я знаю, что нравился.

– Он так молод.

«Он стоил мне восьми солдат.»

– Сэр Олбери приговаривается к смертной казни, – возвестил глашатай. Потом сделал паузу – казалось, я слышу, как толпа вдохнула и замерла... Тишина. Лишь издали доносится обычный гул: шлеп, шлеп, шлеп и всхлипывание грязи под сотнями ног. Хучи не знают усталости. Месяц и два дня назад я думал, что сойду с ума от этого шума... Обманывался.

– Он будет повешен.

Роковые слова отзвучали, и я увидел, как в одночасье молодость обращается в старость. Сломался. Он готов был умереть, этот сэр Олбери, дерзкий и отважный рыцарь, красавец и волокита... Глупец, нарушивший мой приказ. О чем он грезил? Не просить, не умолять, твердо шагнуть на эшафот и положить буйную голову на плаху...

Уйти красиво.

Только вот я не верю в красивую смерть.

Смерть – уродлива. Чтобы убедиться в этом, достаточно сделать два шага за ворота...

– Приговор привести в исполнение немедленно. Генри Ропдайк, граф Дансени, писано восьмого октября, тысяча пятьсот тридцать второго года от рождества Господа нашего, Иисуса Христа...

Какое страшное молчание. Мертвой тишину делают люди... и хучи.

Шлеп, шлеп, шлеп.

Я обвел взглядом толпу. Ну, кто из вас самый храбрый? Кто попросит за Олбери. Ты, толстяк? Или ты, лысый? А, может, предоставите это женщине – какой-нибудь сердобольной старухе? Ее-то уж точно не трону...

– Милости, милорд! – взвыл голос. – Честной смерти! Милости!

Наконец-то.

А то я устал ждать.

...Мне всегда казалось, что я умру осенью. Шагну в объятия старухи с косой, свалюсь в грязь, под ноги наемной швейцарской пехоте – острое алебарды пронзит кирасу и войдет в живот. Но умру я не сразу. Рана загноится, будут кровь, жар и мучительные сны. А еще через несколько дней, почернев и воняя, как брошенная волками падаль, я отойду в мир иной. Жаль, что я лишился юношеских грез о героической кончине... Прекрасная дама, рыдающая над телом рыцаря, наденет на его белое чело венок из красных роз и запечатлеет на устах... Жаль.

Прекрасная дама, рыдающая над холодным телом, гораздо приятней хуча, с громким чавканьем это тело пожирающего.

– Честной смерти, Генри, прошу тебя, – шагнул ко мне Вальдо. Рослый и плечистый, с белыми усами и черной шевелюрой, Вальдо хороший боец, но никудышный правитель. Он не понимает. Нельзя давать черни даже призрачной власти над собой. Были жестокие правители, были умные правители, были жестокие умные правители... Добрых – не было. Вместо них правили другие.

В жестоком деле доброта – сродни глупости.

– Кузен, Алан Олбери – всего лишь мальчишка, – вступил Сидни. Как же без двоюродного брата?

– ЧЕСТНОЙ СМЕРТИ! – кричит толпа.

...Ему двадцать три с небольшим. И он стоил мне восьми солдат.

Я поднял руку. Толпа смолкла, «жалельщики» отступили назад и приготовились слушать. Вот только услышат ли они меня...

– Вы просите милости? – я обвел взглядом площадь. Ожидание, весомое, словно тяжесть кольчуги, легло мне на плечи. – Ее не будет.

Толпа выдохнула...

– Святой отец, – обратился я к священнику. – Сэру Олбери нужно исповедаться... Пусть Господь его простит.

– А вы, милорд? Неужели...?

– Я, в отличие от Господа, прощать не умею, – сухо сказал я. «И, может быть, именно поэтому до сих пор жив.»

...Мертвое тело вдруг дернулось, заплясало на веревке, серые губы искривились в неестественно широкой улыбке, обнажая зубы. Налитые кровью глаза – черные и вылезшие из глазниц – казалось, взглянули прямо на меня.

Глаза хуча.

Я дал знак.

Один из стражников, Мартин, шагнул вперед, ухватил бывшего сэра Алана Олбери за щиколотки, повис на нем всем телом. Веревка натянулась. В мертвой (шлеп, шлеп, шлеп) тишине отчетливо прозвучал скрип пеньки...

Другой стражник, Аншвиц, ударил.

Острые алебарды вонзились дергающемуся Олбери под челюсть и вышло из затылка. Мертвец обмяк. Кончено! Хучи тоже умирают. Достаточно нанести удар в голову, разбить череп или снести голову с плеч...

То же самое, проделанное с живым человеком, называется честной смертью.

Такой смерти просили для несчастного Алана Олбери...

И я отказал.

...Влага мелкими каплями оседает на коже, осень лезет мокрыми руками...

В дублете холодно и сыро.

А они смотрят на меня. Благородный сэр Аррен, великан Вальдо, белобровый и темноволосый; кузен Сидни, по обыкновению кривящий губы в ухмылке... И даже верный Джон Оквист, моя правая рука... Смерды и солдаты, лучники Уильяма Стрелка и наемники Брауна... И вон тот толстяк, и тот длинный, с рыжей бородой...

Все смотрят.

И я понял, что совершил ошибку.

Поставил себя на одну сторону с вечно голодными живыми мертвецами...

Никто не знает, с чего все началось. Просто в один прекрасный день мертвые отказались тихо догнывать в своих могилах. И превратились в хучей...

...И каждый год мне кажется – вот она, последняя моя осень. Острые алебарды в бок, падение, жар и гной по всему телу. Приходится делать усилие, чтобы не поддаться мрачному очарованию смерти. Желание умереть – передается в нашем роду из поколения в поколение. Мои предки травились, выезжали один на сотню в одном дублете, прыгали с колоколен и дерзили королям. Долгие годы, с самой юности, я боролся с самим собой. Меня тянуло к каждому обрыву, каждый пруд казался мне местом желанного покоя. Глядя на кинжал, я представлял, с каким облегчением загоню клинок себе под ребра...

Но я – жив.

Потому что чертова гордость – мое проклятие и мое спасение – встала поперек дурацкому желанию. Мне не быть героем? Пусть так. Зато и самоубийцей я не стану...

Как ни странно, до Бога мне дела нет.

– Честной смерти, брат! – насмешливо поприветствовал меня Сидни. Значит, уже не «долгой жизни»?

– Тебе того же, – ответил я холодно, – любезный брат. О чем ты хотел поговорить? Если о предложении Готфрида, то ты знаешь – я не меняю своих решений.

Сидни ухмыльнулся. Вот что меня в нем бесит – эта ухмылка «я знаю то, чего никто не знает»...

– Пройдемся, кузен?

Мой замок в осаде. Хучи... сотни, тысячи мертвецов окружают его, бессонные и неутомимые, голодные и лишенные страха. Шлеп, шлеп, шлеп... Будь у меня больше тяжелой конницы, я бы прошел сквозь хучей, не сбавляя шага. А следом пошла бы пехота, те же наемники Томаса Брауна – вымуштрованная пехота, ошетилившаяся пиками и лезвиями эспадонов – и мертвая кровь залила бы поле, а тела хучей удобрили мои поля. Будь у меня побольше конницы...

Впрочем, ее и так вполне достаточно.

Просто мне некуда бежать. Мне, Генри Ропдайку, последнему из графов Дансени, некуда бежать, оставив на произвол судьбы родовой замок. Кто меня примет? Разве что Готфрид, герцог Велльский... Нет, только не он. Вот если прыгнуть со стены...

Отсюда до земли тридцать с лишним футов.

– О чем задумался, Генри?

Я вздрогнул и повернулся.

«Проклятый кузен!»

– Прикидываю, когда Король Мертвых прикажет своим подданным сделать подкоп, – сказал я с издевкой. – И нам действительно придется туго.

– Скоро.

– Что?!

Я посмотрел на кузена внимательнее. Нет, Сидни совершенно серьезен, даже неизменная ухмылка выражает не издевку, а горечь. Скорбная складка в уголке рта...

– Я слушаю.

– Ты никогда не задумывался, Генри, откуда взялась эта легенда? Король мертвых, лорды-мертвецы, его свита...

– Что еще за лорды-мертвецы?

– Не слышал? Плохие у тебя осведомители...

– Я слушаю, Сидни, – холодно напомнил я.

– О, это интересно. Я бы даже сказал, интригующе... Укушенный хучем, если будет скрывать укус, на некоторый день переродится и станет лордом мертвецов.

– Это еще почему? Чем он лучше убитого в бою или умершего от болезни?

– Ходят слухи, брат, что таким образом будущий лорд-мертвец сохраняет память и разум. Ты представляешь, что было бы, командуй ходячим гнильем под нашими стенами кто-нибудь с мозгами? Или хотя бы один из твоих сержантов?

Я представил. Замок продержался бы пару дней... от силы. Хучи не знают страха, не устают и их тысячи. Они могли бы атаковать волнами, раз за разом – днем и ночью, без передышки...

– Вижу, представил, – заключил Сидни.

– Это правда?

– Это слухи. А ты прекрасно знаешь, дорогой кузен, как часто слухи оказываются правдой...

– Не реже, чем ложью.

Сидни помолчал, глядя мне в глаза и кривя губы.

– Это утешает, – сказал он наконец. – Только вот хучи последнее время ведут себя странно. Они, конечно, продолжают бродить как попало, но...

– Что, Сидни? Договаривай.

– Ты сам посмотри, Генри, – сказал «братец». – Ты умный, ты поймешь... надеюсь. А я, пожалуй, пойду, – кузен заложил большие пальцы за ремень, приняв вид беззаботного гуляки. – Дела, знаешь... Долгой жизни, кузен. И будь осторожен, – я вскинул голову. – Не подходи близко к краю. Не дай бог, упадешь...

Мы посмотрели друг другу в глаза. «Я все знаю», улыбнулся одними губами Сидни.

– Да, – сказал я медленно. – Я буду осторожен. Долгой жизни, кузен.

Ежедневная проверка – не самое приятное испытание. Ты стоишь голый, как новорожденный младенец, а здоровенный мужик осматривает тебя, словно новую, только что купленную, кирасу. Пятна, царапины, следы укусов... Особенно последнее. Все люди в замке разбиты на десятки, в том числе женщины, старики и дети. Десятники проверяют своих, потом идут на проверку к сержанту.

Не очень приятное испытание.

Джон Оквист, он хоть одного со мной роста. Представляю, как чувствуют себя десятники под командованием шести-с-лишним футового Вальдо. Не очень хорошо, думаю. А вот мой кузен, по слухам, опирается на меч во время проверки...

На него похоже.

Мужчина чувствует себя голым – только будучи безоружным, по его словам. Впрочем, это редкий случай, когда я согласен с кузеном...

– Готово, – сказал Оквист. – Ты чист, Генри.

Я принялся натягивать штаны.

– Что по гарнизону?

– Двое под подозрением. Старик из сотни Черного Тома и... – Оквист замялся. Дурные новости? Опять?

– Я слушаю, Джон.

– Один из людей Уильяма.

– Это плохо, – протянул я. Конечно, плохо, черт возьми... Стрелки одни из самых ценных сейчас бойцов. Стрела в лоб с расстояния в сотню шагов – лучшее средство против хуча. – Что с ним?

– Следы зубов на ляжке. Барри клянется и божится, что его собака укусила, когда он проходил мимо кухни. Говорит, хотел перехватить кусок, а тут она...

– Ты ему веришь?

– Все может быть, Генри... Все может быть. Посидит взаперти пару дней – будет ясно. Жаль было бы терять такого лучника...

– Жаль. Как люди? – спросил я. – Какие слухи бродят?

– Как обычно.

Что-то темнит моя «правая рука».

– В глаза смотри, Джон. Ты не договариваешь.

– Генри!

– Я слушаю, Джон.

– Тебя уже называют Королем мертвых, – сказал Оквист негромко, но веско. Вот так, значит. – Не надо было этого делать... Олбери был всего лишь самонадеянным мальчишкой...

– Восемь солдат, Джон. Он стоил мне восьми хороших солдат.

– А твое решение может стоить тебе мятежа.

– Знаю. Но я не меняю своих решений. Что же касается предложения герцога... Ты ведь об этом хотел поговорить? Готфрид слишком многого от меня хочет, Джон... Слишком многого.

Оквист помолчал. Провел ладонью по короткой черной бороде с редкими вкраплениями седины. Этот жест у него означает мучительное раздумье...

– У меня, в отличие от собаки, есть гордость, Джон. Что с тобой?

– Ничего, – глухо сказал он. Потом неожиданно улыбнулся и покачал головой. – Я понимаю, Генри... Ты же знаешь, я всегда был твоим другом. И всегда им останусь.

Он встал.

– Обойду дозоры. Ты уже проверил своего оруженосца?

– Подрика? Нет еще. Позови его, будь добр.

– Не беспокойся, – отмахнулся Джон. – Я сам его осмотрю. А ты, Генри... ты обещаешь подумать над предложением Готфрида еще раз?

Я промолчал. Сколько же это будет продолжаться...

– Генри?

– Да, – сказал я. – Обещаю.

Я достал свернутое в трубочку письмо. Мои просьбы о помощи, направленные к различным властителям, остались без ответа... кроме одной. Готфрид Корбут, герцог Велльский, милостиво согласился «возложить на Генри Ропдайка, графа Дансени свою десницу, дабы онный Генри Ропдайк...» Проклятое письмо! Я представил, чего стоило гонцу добраться до родового гнезда Готфрида – через кишашую мертвецами долину, не имея сна и отдыха... А затем обратно, лишь поменяв коней...

Ради этого чертова письма!

Ты слишком гордый, Генри. Склонись перед Готфридом, прими вассальную присягу, отдай в заложницы дочь... Как странно, что о дочери, восьмилетней... или девятилетней? – Элизабет, я вспоминаю только в такие минуты... Отдай в заложницы дочь, и Готфрид милостиво откроет для тебя и твоих людей путь в места, куда хучи еще не добрались...

Пока еще не добрались.

Страна разваливается на части, король неизвестно где, а эти... Готфрид, Ансельм Красивый, Оливер, маршал марки, другие... Они желают править среди мертвых. Не знаю, существует ли настоящий Король мертвых, но...

«Возложить на Генри Ропдайка, графа Дансени свою десницу, дабы онный Генри...»

Писано собственной рукой, сего дня, пятого октября, тысяча пятьсот тридцать второго года от рождества Господа нашего, Иисуса Христа.

Готфрид Корбут, герцог Велльский.

Король мертвых.

Никто и не знал, что он – человек.

Чем этот приговор лучше твоего, зачитанного утром? А, Генри?! Я, Генри Ропдайк, граф Дансени... Из тех графов Дансени, что никогда не склоняли головы ни перед кем, кроме короля...

Гордый Генри.

«А ты прекрасно знаешь, дорогой кузен, как часто слухи оказываются правдой...»

«Тебя уже называют Королем мертвых».

Очень гордый Генри...

ЧЕСТНОЙ СМЕРТИ!

Скандирует толпа. И благородный сэра Аррен и великан Вальдо, белобровый и темноволосый; кузен Сидни, по обыкновению кривящий губы в ухмылке... И даже верный Джон Оквист, моя правая рука... Смерды и солдаты, лучники Уильяма Стрелка и наемники Брауна... И вон тот толстяк, и тот длинный, с рыжей бородой...

Все кричат в один голос.

ЧЕСТНОЙ СМЕРТИ!

Мертвец на виселице, ранее бывший сэром Аланом Олбери, красавцем и волокитой, дерзким рыцарем, задергался, веревка закрипела, натянулась... Я не поверил глазам... Лопнула!

Мертвец приземлился мягко как кошка, смахнул с дороги Мартина – стражник ударился головой о виселичный столб, хрустнул череп, брызнули желтые мозги. Аншвиц, заступивший было хучу дорогу, лишился алебарды... Удар. Лезвие вошло стражнику под челюсть и вылезло из затылка.

Честная смерть.

Олбери, странно склонив голову на бок и задрвав подбородок, кошачьим шагом двинулся ко мне...

– Генри, – прошипел он. Голова, запрокинутая назад, мягко качнулась. У него сломана шея, догадался я.

– Почему ты разговариваешь? – спросил я, вытягивая меч. Серое лезвие с тихим скрежетом выскользнуло из ножен. – Хучи не могут...

– Теперь могут, Генри. Пришло время лордов-мертвецов. **ПРИШЛО ВРЕМЯ.**

А-а-а!

Я проснулся в холодном поту. Свеча почти догорела, аромат горелого воска лезет в нос...

Шлеп.

– Кто здесь?

Шлеп, шлеп, шлеп.

Из темноты вышел Подрик, мой оруженосец.

– Подрик, ты... Что с тобой?

Голова оруженосца при очередном шаге мотнулась, и я увидел, что горло Подрика перерезано, а рот скалится в улыбке хуча...

Джон Оквист, моя правая рука, выбрал другого Короля мертвых.

Вампир в законе

1

В углу зашевелилось, брякнул металл, на свет выполз домашний нетопырь Малиганов. Серый, словно присыпанный пылью, сгорбленный от старости, уже совсем не похожий на человека. Пахло от него сыром. За нетопырем волочилась по полу толстая ржавая цепь.

– Привет, Жан. – сказала Лота.

Глаза Жана – желтые и выпуклые, как костяные шарики. Говорить нетопырь разучился, но все еще понимал слова... или делал вид, что понимает. Вампиры боятся старости даже больше людей. Лота закатала рукав. «Элжерону пора сменить привратника.» Жан мгновение стоял неподвижно, потом уткнулся носом ей в ладонь и с шумом втянул воздух. Лота едва сдержалась, чтобы не отпрянуть. Прикосновение мертвой плоти было влажным и – неприятно-ласкающим.

Старый нетопырь.

– Кэ-олик, – сказал вдруг Жан. Поднял взгляд на девушку. – Кэ-олик. Е-а.

Лота вздрогнула. Не то, чтобы она боялась – Жан на то и поставлен, чтобы определить, кто пришел. Древнюю Кровь вампиры распознают безошибочно, их даже используют в качестве ищеек...

Жан впервые за много лет нарушил молчание... что случилось?

Нетопырь приставил указательные пальцы к голове, словно ребенок, изображающий «бычок, бычок бодается». Пару раз подпрыгнул. Старательно зашевелил носом.

– Кэ-олик. Е-а. Кэ-олик. Да-ай.

Лота вдруг поняла. Камень-сердце! Кролик. Еда. Вот оно что...

– Жан? – Лота выпрямилась, огляделась. – Кто научил тебя этому?

– Я.

Голос, казалось, шел со всех сторон. Лота поежилась. Весело начинается визит к дяде. Её рука спустилась к поясу и легла на рукоять небольшого пистолета. Если не обладаешь Талантом, дающим силу или неуязвимость, лучше положиться на старый добрый порох.

– Кто здесь? – сказала Лота. Светильник, висящий над головой, настроения не улучшал. Лучшей мишени и не придумаешь. Лота и нетопырь в круге света, остальное пространство тонет в темноте. Неужели Элжерон устроил ей ловушку? Но – смысл?

Или это Древоточец со своими шуточками?

– Я спрашиваю: кто здесь?

– Я, – повторил голос после короткой паузы.

Проклятое эхо. Старый подземный ход, ведущий в резиденцию Малиганов – отличное место для розыгрышей. Камень-сердце! Сам Хаос не разберет, кто говорит и откуда. И как в такую задницу, простите за грубость, стрелять?

Жан заскулил.

Лота краем глаза посмотрела на старого нетопыря. Потом развернулась, выхватывая пистолет...

Жан сделал стойку.

Лота нацелилась поверх его головы. В пустоту. Значит, ты там, голос? Попробуй теперь пошутить... с серебряной-то пулей...

Серебро убьет человека, остановит оборотня. Две трети Малиганов тоже остановит – пусть ненадолго... на несколько мгновений... но это лучше, чем ничего.

Дело за малым – попасть.

Там, решила Лота.

– Левее, – сказал голос с непонятной интонацией. Лота сжала зубы. Ты не Ришье, подумала она, тебе всегда хватало выдержки. Лота выдохнула... задержала дыхание...

– Не надо стрелять, – сказал голос. – Здесь, знаете ли, отвратительное эхо... Посмотрите налево.

Лота посмотрела.

Незнакомец встал на границе светового круга. Высокий черный силуэт. Видна лишь половина лица.

Очень красивого лица, подумала Лота невольно. Прямо таки скульптура работы хорошего мастера. Новая игрушка Сушеного Гэвина? Не одних же уродов ему лепить. Неплохо бы и разбавить.

Голем? Жаль.

– Миледи, – незнакомец поклонился. Невероятно изящно для голема. – Лота Хантер, урожденная Малиган, если не ошибаюсь?

Выговор был странный, с едва заметной неправильностью.

– Кто вы?

– Новый дворецкий лорда Элжерона. – он вновь поклонился. Нет, не голем. Вампир. – Мое имя Яким. С вашего позволения – Яким Красавчик.

Еще бы... с такой-то внешностью. Лота опустила пистолет.

– Ничего не скажешь, скромно!

– Не торопитесь с выводами, миледи, – сказал незнакомец. Лоте вновь почудилась в его голосе насмешка. Она вскинула голову. – Вы еще не видели меня целиком...

– А что, по частям ты симпатичнее?

– Может быть, миледи... Все может быть. Вы готовы?

К чему? – хотела спросить Лота, но тут новый дворецкий лорда Элжерона шагнул вперед...

Свет.

Тьма.

– Лорд Маран, со свойственным ему остроумием, называет меня Половинчиком.

2

Логово Малиганов по-прежнему выглядит как жилище сумасшедших колдунов, решила Лота. Впрочем, ничего удивительного. Несколько веков кровавой бойни – и вот пожалуйста. Словно идешь по скелету древнего чудовища. Свет фонаря выхватывает из темноты огромные кости, побелевшие и выщербленные от времени. На самом деле это каменные колонны, поддерживающие свод – но попробуй убеди в этом свое воображение. Ощущение опасности не исчезает, а становится с каждым шагом сильнее...

Фонарь в руке Красавчика мигнул и погас.

Темнота.

Лишь перед глазами пляшут желтые пятна.

Лота почувствовала нарастающую дрожь во всем теле. Заколотилось сердце. Виски сдавило. «Камень-сердце! – подумала Лота. – Как я, оказывается, отвыкла от причуд Логова.»

Дрожь оборвалась.

– Прошу прощения, миледи, – прозвучал во мраке приглушенный голос Красавчика. На него это тоже действует? – С вами все в порядке? Сейчас я зажгу фонарь...

Лота выдавила смешок.

– Меня это не пугает, – сказала она. Сердце по-прежнему билось, как окунь на крючке. – Я здесь выросла. Всего лишь дыхание Логова... Все дети Малиганов о нём знают...

– Не сомневаюсь, миледи.

Яким открыл дверцу и зажег фонарь. Лота в который уже раз поразились внешности Половинчика.

Одно плечо нового дворецкого заметно выше другого. Казалось, Якима когда-то разрезали на две неравные части. Затем, кое-как состыковав, сшили половинки – причем крупными стежками, не заботясь об аккуратности, а только о прочности...

Более странного сочетания красоты и уродства Лоте видеть не доводилось.

Правая сторона лица – мужчина-мечта. Предмет обожания молоденьких и не очень девушек. Левая – оживший кошмар. Огромный шрам тянется по щеке, продолжается на шее и прячется в ворот рубахи.

– Как это случилось? – не выдержала Лота. Яким повернул голову. Выражение лица у него было странное. – То есть... я хотела сказать...

Красавчик поднял брови. Лота почувствовала, что краснеет.

– Дожил, – усмехнулся новый дворецкий. – Скажи кому – не поверят. Чистокровная Малиган боится задеть чувства какого-то кровососа.

– Я...

– Не смущайтесь, леди. Я готов пощадить вашу чувствительность и назваться вампиром. Или, быть может, носферату?

«Да что он себе позволяет!»

– Я не люблю вампиров.

– Полностью с вами согласен, миледи. Я тоже терпеть их не могу.

3

У кастеляна Н. (как его там?) ресницы прозрачные, а брови такие светлые, что совсем теряются на фоне бледно-розового крупного лица.

К тому же у кастеляна Н. глаза навывкате, а рот открывается вот так: бульб, бульб. Отчего кастелян Н. здорово похож на глубоководную рыбу.

И эта рыба сообщил Лоте, что лорд Элжерон – дядя Элжерон! – не хочет видеть племянницу. После того, как сам пригласил ее в проклятое Логово. Но самое неприятное в другом. Лоте придется провести здесь несколько дней. Даже, возможно, неделю. Или месяц.

– Для вас приготовлена комната.

– Моя старая детская? – Лота неожиданно для себя обрадовалась.

– Что вы! – Н. выглядел оскорбленным. – Она слишком мала. Мы приготовили для вас...

Лота вспомнила, как при Красавчике ведут себя слуги. Словно их выхватили из воды и держат за жабры. А, казалось бы, людей, десятилетиями живущих среди Выродков не так-то легко напугать.

– Я хочу видеть Древооточца, – прервала она излишние кастеляна.

– Прошу прощения, миледи, но...

– Как? – Лота посмотрела на кастеляна. – Его тоже нет?

– Это правда, миледи, – сказал Н. – Лорд Маран сейчас очень занят. Он просил передать свои извинения. Дело не терпит отлагательств.

«Вот оно что!»

– Древооточец повел кого-то вниз? Кого? – Рыба закрыл рот и насупился. Лота улыбнулась. – Ладно тебе, не такая уж это тайна...

– Маленький лорд Рэндом, – заговорил Н. после некоторых колебаний, – внезапно заболел. Три дня назад начались головные боли. Маленький лорд плакал. Леди Ирен говорила, что это скоро пройдет и с детьми такое бывает... но лорд Маран решил иначе.

– А сама Ирен?

– Леди Ирен... – Н. замялся, видимо, подбирая выражение поделикатнее, – с тех пор находится в некотором волнении.

Дура в истерике, перевела Лота. И почему Ришье всегда так странно «везло» на женщин? Что общего у злого, упрямого и эмоционального Ришье с недалекой Ирен, интересующейся только нарядами и балами?... Теперь эта наседка растит его сына.

А тебе, Лота?

Тебе разве везло с мужчинами?

Я замужем. «Тогда почему ты два месяца лежишься в холодную постель? А, девочка?»

– Где живет Красавчик?

Н. поморгал.

– Кто?

– Новый дворецкий.

– А! Миледи имеет в виду Половинчика? Его комната двумя уровнями ниже...

4

Язык был как язык – красный и толстый. Лота внимательно рассмотрела его в зеркале, но ничего подозрительного не обнаружила. Никаких странных пятен. Что ж... по крайней мере, ее не пытались отравить. Хотя по вкусу местной стряпни этого не скажешь. Лота вспомнила завтрак и содрогнулась. Нет, выглядело все прекрасно. Подрумяненные булочки, желтое масло, аппетитно пахнущий пирог...

Лоту передернуло. Пирог был отвратительнее всего. Мало того, что блюдо, изначально сладкое, *пересолили* – он еще и жутко горчил! Нет, Элжерону явно пора сменить кухарку.

«Наверняка это злобное и уродливое существо, эдакий горный тролль, ненавидящий все живое.»

Лота взяла маленький серебряный колокольчик и позвонила. Через некоторое время в дверях появилась горничная – совсем еще юная девушка в белом переднике. Лота улыбнулась ей в зеркало.

– Миледи?

– Доброе утро, Розина. Убери это, пожалуйста, – Лота не уточнила, что именно, но горничная кивнула. – Мои вещи доставили?

– Пока еще нет, миледи.

По приезду в Ур, Блισταющий и Проклятый, Лота остановилась в гостинице у Южного Портала – у дяди она рассчитывала погостить не больше пары часов, а потом – сбежать. «Пяти минут было бы достаточно, если честно.» Даже одной минуты. Логово нервировало. Логово давило и вызывало ненужные воспоминания. Безумное гнездо безумной семейки...

Что Элжерону нужно от нее? Мокрая Рука не слишком сентиментален. Вряд ли он просто соскучился. Старший Малиган славится холодной расчетливостью – если он пожелал видеть Лоту, значит, нашел ей место в своих планах.

«Только не продолжение рода, будь Хаос милостив.»

Я замужем, повторила Лота как заклинание. Замужем. Почему же эти проклятые два месяца...

– Миледи? – горничная смотрела с плохо скрываемым любопытством.

«Уж не говорю ли я вслух?»

– Спасибо, Розина, на этом все.

Когда горничная ушла, нагруженная подносами с неудавшимся завтраком, Лота вздохнула. Кому докладывает эта девушка? Кастеляну? Старшей над служанками? А та в свою очередь – Марану... Или самому Элжерону?

Даже три дня в Логове – очень долгий срок. Что уж говорить про месяц...

В этот момент Лоте захотелось оказаться за сотню лиг от родового гнезда. Желание было настолько сильным, что она почти наяву увидела, как надевает платье, закалывает волосы, чтобы не падали на лоб; берет в одну руку шпагу, в другую – пистолет и – прорывается с боем, если нужно. «Пусть попробуют меня остановить.»

Даже не подумают, увы.

Не торопись, сказала себе Лота. Сначала все разузнай. Ты для этого сюда и приехала. Это твоя семья. Твои чокнутые горячо не любимые родственники. Величие клана Малиганов, помнишь?

Мы, Выродки, должны держаться вместе.

Так что успокойся и займись делом. О бегстве, если таковое потребуется, подумаешь позже.

«Договорились.» Лота выпрямилась. Для начала займемся собой.

В зеркале отражалась молодая женщина в прозрачной ночной рубашке с кружевами. Голубоглазая брюнетка «с интересной бледностью».

Скулы высоковаты, глаза слишком широко расставлены – хотя что-то кошачье, в них, несомненно, есть. Это приятно. Подбородок четко очерчен, но тяжеловат. Нос слишком тонкий...

«Сколько еще недостатков ты сможешь найти?»

Верно. Лота вздохнула и велела себе остановиться. Так можно дойти и до испорченного на весь день настроения... Однако, великий человек придумал все эти белила, пудры, помады и прочие приятные мелочи. Попробуем подчеркнуть достоинства и замаскировать недостатки. Для начала выровнять цвет лица, спрятать весн... Камень-сердце! Веснушки-то откуда?!

Все-таки настроение она себе испортила.

Лота отложила пуховку. На столике перед зеркалом, среди разноцветных баночек и шкатулок, чужеродным предметом смотрелся большой пистолет. Полностью заряженный, с серебряной пулей. Второй такой же остался под подушкой. Лота сама его туда положила.

Только не говорите, что в Логове нечего и некого бояться, подумала Лота с горечью. «Я здесь выросла. И это были не лучшие семнадцать лет моей жизни.»

Последующие двенадцать лет, проведенные вне родового гнезда, оказались гораздо приятнее.

«И все-таки, зачем я понадобилась Элжерону?»

5

Вампир отложил книгу и поднялся с мягкой грацией хищного зверя. Увечье на ловкости Красавчика, кажется,нисколько не сказалось. Интересно, подумала Лота, смогу я с ним справиться? Если он как следует меня разозлит?

Яким поклонился. Как всегда – с невероятным изяществом.

– Миледи?

– Доброе утро, Красавчик. Ничего, что я без приглашения?

– Мой дом – ваш дом, миледи.

«Очень мило». Особенно если вспомнить, где обычно обитают вампиры.

За его спиной Лота увидела ряды полок, а на полках – книги, книги, книги... Да сколько же их? Не меньше сотни. Красавчик, что, ограбил библиотеку регента? В любом случае, вампир нашел идеальное место для хранения награбленного. Хотелось бы посмотреть на того сумасшедшего законника, что посмеет сунуться в гнездо Малиганов.

– Я много читаю, – пояснил Красавчик, заметив ее взгляд. – Это создает иллюзию жизни.

– Но... откуда?

– Лорд Фер был очень любезен.

Еще бы. Книжный Червь просто счастлив, если удастся всучить кому-нибудь один из своих пыльных фолиантов. Даже если этот «кто-нибудь» – наглый самовлюбленный вампир.

«Ты не за этим сюда пришла.» Правильно.

– Где обитает Жан?

Красавчик покачал головой.

– Не здесь, миледи. Жан за последнее время несколько сдал. Вы заметили цепь?

– Элжерон приказал её сделать еще лет восемь назад. Но я не думала...

– Боюсь, на цепи Жан и останется – до истинной смерти. Увы, миледи. Даже слуги Малиганов не вечны...

Под старость упыри теряют разум. Превращаются в зверей. Интересно, на себе подобных они бросаются?

– Не боишься, что Жан свернет тебе шею? Он чудовищно силен.

Яким посмотрел на Лоту. В глазах Красавчика она уловила нечто странное – словно огромный провал. Потом все скрыла ирония.

– Не думаю, миледи. Жан меня любит.

– Откуда ты знаешь?

– Я даю ему кроликов – разве этого недостаточно?

Вампир-циник – это что-то новое. «Но ему удалось поразить тебя, девочка». Не правда ли?

– Это жестоко.

– Вы считаете? – Красавчик покачал головой. – Я даю ему кроликов по часам. Он все время голоден. В таком возрасте и в таком состоянии кровь нужна понемногу, но часто. Чем чаще, тем лучше. Жан очень старый, к тому же жить со скрижалями в груди... Понимаете, миледи? Серебро убивает Жана второе столетие подряд. Удивительно, что он вообще так долго протянул... Жан – разрешенный вампир.

– А ты – нет?

Красавчик улыбнулся.

– Понятно. И почему Элжерон...

– Кхм, – сказал вампир.

– Не Элжерон? Тогда кто? Корт? Лорд Молния никогда бы...

– Мне кажется, лорду Молнии понравилось это не больше, чем вам, миледи.

– Я не говорила, что мне это не нравится... Древооточец! Как я сразу не догадалась. Он тебя нашел?

– Ваша догадливость делает вам честь.

Слово «честь» вампир произнес слегка в нос – как делают южане.

Внезапно Лота поняла, что напоминает ей выговор Красавчика.

– Ты лютецианец?

Красавчик улыбнулся.

– Возможно, миледи. Не могу сказать точно. Вампиры плохо помнят жизнь до рождения.

– А ты... что ты помнишь?

Некоторое время Красавчик смотрел на Лоту. Молчал. «Я на самом деле хочу знать. Поверь мне.»

Вампир подошел к книжному шкафу. Повернулся к гостье спиной, игнорируя приличия. Со стороны казалось, что он читает названия на корешках.

– В основном: лица, – заговорил Яким. – Цвета. Иногда запахи. Это очень странно, миледи... Трудно объяснить. Запахи, просто запахи – отдельные, несвязные, они не образуют единой картины, как сейчас. Словно из другой жизни. Большинство вампиров не различает цвета, миледи. Запахи заменяют нам привычную картину мира, окрашивают все в один отте-

нок. Черный, серый, очень редко – желтый... И свет, который видят все вампиры – холодный, пугающий, безжалостный. Это серебро.

Красавчик помолчал.

– Красноватый свет, – сказал Яким. – Вот что мы видим. Любой из нас. Этот свет режет глаза, миледи...

Он повернулся, заставив Лоту отступить. В глазах вампира была боль.

– Вы знаете, что такое скрижали запрета? Это серебряные скобы – небольшие, размером с фалангу пальца. – вампир показал. – И серебра там совсем чуть-чуть – но у этих малышей огромная власть над такими как я... В Гетто это называется: «приютить Серебряного Джона».

Красавчик дернул плечом, сгорбился – стал в этот миг неуловимо похожим на старого Жана.

– Разрешенных вампиров немного. Им завидуют, их боятся. Они единственные, кто может выходить из Гетто. Слуги, привратники, ищейки, мясники. Иногда – солдаты. Попасть в диверсионный отряд мечтают многие. Там можно быть почти на равных...

Пауза.

– На равных с людьми, – закончил Яким. Поднял голову, в упор посмотрел на Лоту. Ну что, урожденная Малиган, читалось в его глазах, что ты на это скажешь?

«Ничего.»

– А ты? – спросила Лота.

– Я предпочитаю быть свободным.

– Но ты же служишь Элжерону?

Яким улыбнулся. Своей прежней издевательской улыбкой.

– Верно, миледи. Служу.

* * *

*«Кроме орков, носферату и собак.»
Предупреждение на дверях общественной библиотеки Ура,
Блистательного и Проклятого.*

*«Вампирам и собакам вход запрещен.»
Вывеска на входе в кабачок «Веселая гусеница».*

*«Гнилушки – вон из Ура!!!!»
Надпись на стене Квартала Склепов.*

6

Ужин был изумительно плох. Снова все выглядело, как на картинке, запах сводил с ума – но увы! Повар Элжерона продолжал ненавидеть человечество.

«Интересно, телятина-то в чем перед ним провинилась?»

Несмотря на голод, Лота смогла проглотить всего пару кусочков. Положила нож и вилку, отодвинула поднос. От горечи сводило язык. Сколько можно, в конце-то концов?! Надо пожаловаться кастеляну. Или пойти на кухню, найти повара и пристрелить на месте. А что? Вполне в духе семейных традиций...

Камень-сердце, конечно, нет! «Сварить в котле – вот стиль настоящего Малигана». Или там, превратить в коврик с глазами... А пристрелить – это детство.

Лота вздохнула. Живот подвело, как бывало раньше, когда заигравшись с Ришье и Гэвином, она пропускала разом обед и ужин. Тогда, помнится, очень выручал визит к кому-нибудь из родственников... К кому-нибудь не из самых жутких, конечно...

Хотя мама бы не одобрила, если бы узнала.

У каждого Малигана, жившего тогда в Логове, имелись свои повара и свои запасы еды. Семейная паранойя. В те годы, правда, Логово было гораздо более обитаемо...

Прийти в Логово решается далеко не всякий. Гнездо сумасшедших колдунов мало располагает к разговору о делах. А дела – это золото. И немалое. Время сейчас такое, что влияние клана держится не столько на Древней Крови и черной магии, сколько на деньгах. Все кланы это понимают. Слотеры делают магическое оружие. В этом они лучшие. Морганы – специалисты по Порталам. Специальность Треверсов – заклинания стазиса для армейского провианта, промышленных зомби и так далее...

Финансовая мощь клана Малиганов издавна держится на производстве големов.

Любые големы – от простеньких игрушечных до огромных Топтунов. Или, например, Плывуны, которых заказал флот Ура, Блистательного и Проклятого. Это тоже работа клана Малиганов. Железный великан вращает огромные колеса, которые толкают корабль вперед. Пока спущено на воду всего два судна, оснащенных Плывунами. Но вскоре, похоже, парусная эпоха закончится. Даже галерам и флейтам, на которых вместо живых гребцов – големы, придется потесниться...

Поэтому кроме Логова, у клана есть еще Малиган-Отель. Чистый и опрятный городок неподалеку от Ура. Там не свисают с потолка скелеты, а комнаты не норовят закусить неосторожным гостем...

В животе забурчало, и Лота сразу вернулась с небес на землю.

К кому бы сходить в гости?

«Ну уж не к Красавчику точно».

Ирен из деликатности не заметила, что гостья в одиночку опустошила блюдо с пирожными. Это было так... Это было вкусно! Лота пожалела, что пришла не к обеду. Придется довольствоваться малым.

– Еще шоколада?

– С удовольствием, – сказала Лота.

Ирен встретила ее на удивление радушно. Даже обрадовалась – хотя и с долей нервозности. Сначала Лота приняла это на свой счет. Потом догадалась. Дело в Рэндоме, сыне Ирен. Древоточец повел мальчика вниз, к Чертогу Тысячи Ответов. Они все еще не вернулись. Ирен за внешней оживленностью прятала тревогу...

Сейчас они уже больше часа пили шоколад, привезенный из Ханнарии, и болтали, как подружки. Сначала Лота слушала о Рэндоме, потом о Рэндоме, наконец снова о Рэндоме. Эта тема Ирен не надоедала. Какой мальчик хороший и умный, забавный и хитрый, ласковый и упрямый. Какой он обаяшка и какой у него волевой характер... Настоящий мужчина.

О Ришье, отце мальчика, не было сказано ни слова. Словно его никогда и не было.

– Будь осторожней, сестра, – сказала Ирен как бы между прочим. Лота насторожилась. – Элжерон что-то задумал. Возможно, это глупо... но я бы на твоём месте просто сбежала.

– Я понимаю, – сказала Лота. «Спасибо, сестра.»

Вдруг свет заморгал. Лота почувствовала нарастающую дрожь во всем теле... Погас фонарь, затем еще один. Потом все прекратилось. Свет вновь стал ровным.

– Очень близко, – сказала Ирен.

– Что?

– Дыхание. У Логова в последнее время плохое настроение.

Лота смотрела на Ирен и пыталась найти в себе ту неприязнь, что раньше заставляла её грубить сестре. Тщетно. Что-то изменилось.

Между ними больше не было Ришье.

7

Лота сняла фехтовальную маску и отсалютовала противнику. Потом вспомнила, что у нее мокрое лицо и отвернулась.

«Перед кем выделяешься, девочка?»

Перед вампиром?

У Лоты – боевая шпага, у Красавчика – учебная рапира. Лота – в защитном снаряжении, Красавчик фехтовал с открытым лицом. Впрочем, обычный клинок, без серебряного покрытия или наложенного заклятия, не мог причинить ему вреда. Уколы, нанесенные Лотой, вампир залечивал очень быстро. Да и не так их было много, этих уколов...

– Семнадцать-восемь, – сказала Лота. – Ты победил.

Ребра болели – несмотря на кожаный нагрудник. Лота представила, что случилось бы, если бы Красавчик бил в полную силу. При его скорости – это страшно. Ни один доспех не выдержит – конечно, при условии, что выдержит клинок... Недаром урские диверсионные отряды, набранные из вампиров, наводили такой ужас на лютецианцев. Впрочем, те быстро приспособились...

«Зануда Ришье».

Да, братец помешан на истории и военном искусстве. Лота вздохнула. «Иди к хаосу – из моей головы, Ришье!» Слишком часто она в последнее время о нём вспоминает.

– Вы хорошо держались, миледи, – сказал Красавчик за ее спиной. Было непонятно, говорит он серьезно или опять насмешничает. – Заставили меня попотеть.

Лота фыркнула.

– Я не шучу, – сказал Яким. – У вас есть стиль.

У кого стиль точно есть, так это у Красавчика. Его манера отличалась от той, что ставили Лоте, но была не менее эффективна. Так кто он был в прошлой жизни? Нобиль Лютеции? Или армейский учитель фехтования? Ну уж нет! Вампира отличали умение держаться и чувство собственного достоинства. В нём чувствовалась *порода*.

Лота подошла к столу. Выбрала полотенце и обтерла лицо. Они с Красавчиком убивали время по всякому. Насмешливые пикировки, разговоры об искусстве и политике, сплетни, книги, прогулки по Логову – теперь вот фехтование. А что будет дальше? Танцы? Ужин при свечах в фамильном склепе?

«Докатилась.»

Скорей бы уже Маран вернулся.

– Почему? – спросила Лота.

– Я предпочитаю черное, миледи. Труднее ошибиться. Вампирам, знаете ли, очень сложно выбирать гардероб. – Красавчик усмехнулся. – И еще сложнее с кем-нибудь советоваться... Еще вопросы?

Игра в «три честных ответа», была забавной. С вампиром особенно. Когда стемнело, они с Красавчиком вышли из Логова и расположились на вершине холма. Такое ощущение, что вокруг – только звезды. Лота сидела на траве с бокалом вина, а Яким расхаживал рядом. Хаос знает, что у него там в бутылке, но он порядочно захмелел. «Не меньше меня.»

Ладно, последний вопрос...

– Как ты попал на службу к Мокрой Руке?

– О! – Красавчик остановился. Лота против воли прыснула. Пожалуй, к необычной внешности дядиного дворцового можно привыкнуть – в этом даже есть своя изюминка. Красота и уродство, слившиеся воедино. Вернее, сросшиеся...

– Это заслуживает отдельной истории, миледи, – сказал вампир. Приложился к бутылке.

– Как вы уже знаете, меня нашел лорд Маран. Но вы не знаете, где он меня нашел...

– И где же?

– В Квартале Склепов. В Гетто.

Лота подняла брови.

– Но... подожди, у тебя же нет скрижалей?

– Скрижали? – Красавчик сделал большой глоток. – Запрет на гипнотизирование, запрет на трансформацию, запрет на питье иной крови, кроме донорской, запрет на сотворение себе подобных... Святая кровь! Да я это наизусть помню. – он помолчал. – Видите ли, миледи. Пока я был молодым и неопытным носферату, на меня объявили охоту... Были причины. Мне пришлось бежать. Я оказался в Уре. Но это оказалось ничем не лучше...

– Почему? – спросила Лота.

Яким криво ухмыльнулся. Допил бутылку и отбросил в сторону, не глядя.

Помолчал.

– Вы знаете, как охотники находят вампиров? – глаза Красавчика отсвечивали в темноте. – Нет, не таких как я. Более старых, более слабых, более голодных... Мне повезло, что лорд Маран выбрал меня. Иначе я мог бы стать таким, как они. Это не слишком приятное зрелище, миледи. Вы заметили, у Жана почти нет нижней губы? Он стар и болен, плоть его разлагается... Мы называем таких вампиров «гнилушками». Эй, гнилушка!

В гетто это самое страшное оскорбление.

Охотники находят вампиров по звуку. Гнилушки всегда хотят есть. Даже во сне. Они лежат и жуют собственную плоть. Поэтому у Жана нет нижней губы. Но он еще не так плох. Я видел гнилушек, настолько обглоданных, что кости их казались скрепленными проволокой. Они могли только лежать и жевать. Чавк. Чавк. Чавк. Если вы услышите этот звук – где-то рядом вампир. Лежит в земле и ждет охотников. Возможно, для такого кол в сердце – наилучший выход...

Но охотники не заходят в Гетто.

Знаете, сколько «носферату» в городе, миледи? Примерно сорок тысяч. Ур, Блистательный и Проклятый, нашел когда-то решение проблемы вампиров – решение настолько же блистательное, насколько – я надеюсь! – будут прокляты те, кто это придумал... Максимилиан, прапрадедушка нынешнего короля, договорился с одной из вампирских семей. Это был союз равных – как думал Некромейстер. В знак доверия к людям, носферату носили серебряный знак – о том, что не будут превращать людей в вампиров. Так появилась первая скрижаль. Тогда, кстати, ее носили на шее, в ладанке, а не вживленной...

Король Макс был умным человеком. И, как впоследствии выяснилось, очень коварным. С помощью союзников он подчинил или уничтожил остальных вампиров. Освободил Ур от владычества мертвых, а во владение союзникам выделил землю, которая теперь называется Кварталом Склепов. Затем, постепенно, скрижалей стало больше. Две. Потом три. Но это уже было после смерти Максимилиана... При наследниках Макса появилась четвертая скрижаль. И постепенно Квартал Склепов стал таким, как сейчас. Земля вампиров превратилась в Гетто...

– И вампиры просто смотрели, как это происходит? – сказала Лота. – Не верю.

– Правильно делаете, – Красавчик усмехнулся. – Конечно, без протестов не обошлось. Были даже бунты. Вы знаете, что однажды Ур, Блистательный и Проклятый, целых две ночи принадлежал носферату? Кровью все улицы залили... идиоты!

Лота молча слушала.

– Но это неважно, – сказал Красавчик. – Важно другое. Все осталось по-прежнему. Я прожил в гетто два месяца. И я теперь знаю, куда попаду после истинной смерти... Это был ад, миледи.

В гетто я встречал вампиров, сражавшихся под знаменами легендарного Виктора Ульпина. Повелителей Крови, убивших больше людей, чем недавняя вспышка Желтой Чумы. Ветеранов, участвовавших в Войне Кланов, причем за стороны, название которых я даже никогда не слышал...

Они никому не нужны.

Они ни на что не надеются.

Груды мяса в номерных гробах.

– Вот так, миледи, – сказал Красавчик. – Вот так.

8

– Жан все время что-то жует, – сказал Половинчик, обходя комнату и зажигая факелы на стенах. В таком свете обиталище Жана выглядело особенно убого. И даже несколько зловеще. – Ему без разницы, что – урское жаркое или эребский ковер... Боюсь, с книгами Жан обошелся бы точно также – разве что они показались бы ему жестковатыми... А вот кроликов он любит. Правда, Жан? А ну скажи: кролик.

– Кэ-олик, – сказал Жан. Его глаза не отрывались от клетки. – Е-а!

– Молодец, – Красавчик открыл клетку и вытащил лопухого. – Хороший мальчик. Держи!

Кролик, кажется, не совсем понимал, что его ждет. Даже когда оказался в скрюченных лапах старого вампира...

«Пугающая доверчивость.»

Жан заурчал.

Лота посмотрела на Якима. Тот стоял в тени, лицо его было отрешенным.

– Почему ты возишься с Жаном?

Красавчик пожал плечами. В его исполнении – одно плечо выше другого – движение получилось очень грациозное. Словно фигура экзотического танца.

– Думаешь, к исходу четвертого столетия я буду выглядеть лучше? – Красавчик без привычной улыбки смотрел на довольно урчащего Жана. Кролик отмучился, на белой шерсти остались следы грязных пальцев. Жан прижал добычу, сунул в рот пушистую лапу и принялся жевать. Лоту передернуло. Чавк, чавк, чавк... Красавчик не отводил взгляда. Не смотри, мысленно попросила Лота, не надо. Губы Красавчика на мгновение искривились...

– Сомневаюсь, – сказал вампир и отвернулся.

9

«Злобное и уродливое существо, эдакий горный тролль», оказался миловидной женщиной лет пятидесяти. Лицо у кухарки было круглое, на щеках – ямочки, как у человека, который часто и с удовольствием смеется.

«Надеюсь, не надо мной?»

– Чем могу служить, миледи?

Лота помедлила. Что-то здесь не так. Взгляд у кухарки был открытый и уверенный.

– Как ваше имя?

– Элис Харди, миледи. – кухарка смотрела с любопытством. – Вам понравился обед? Простите мою дерзость, но...

Лота растерялась.

– Мне сказали, для вас нужно готовить по особому рецепту, – кухарка выглядела уже не так уверенно. «Ах вот оно что!»

– Кто сказал? – «Кажется, я уже знаю ответ.»

– Лорд Маран, – ответила Элис Харди. – Что-то не так, миледи? Вы знаете, я редко готовлю с применением морской соли... Только для лорда Элжерона. Не уверена, что у меня получилось... Миледи?

– Вполне, – сказала Лота.

10

– Я принесла кролика.

Красавчик молча смотрел на девушку. Потом вдруг, решившись, взял с кресла шпагу в черных ножнах. «Вампирам очень сложно выбирать гардероб», – вспомнила Лота. «И еще труднее с кем-нибудь советоваться...»

– Хорошо. Пойдемте со мной.

11

Кролик был рыжий, а не белый, как в прошлый раз. Яким держал клетку на весу и ждал. Сегодня вампир был непривычно молчалив и серьезен.

Жан все не шел.

В комнату старого вампира они решили не спускаться – остались в зале, от которого отходили в стороны несколько туннелей. Стрелка Галлегенов? Хелленов? – Лота не помнила. Горели факелы, но в зале было темновато. Он представлял собой небольшой восьмиугольник, накрытый куполом с росписью. Полустертые черные фигуры изображали битву Малиганов с одним из исчезнувших кланов Древней Крови. Полулюди-полуволки, кошмарные твари со змеиными головами, гиганты и карлики, некроманты и колдуны, уроды и красавцы – сплелись в единой схватке.

Есть даже знакомые. Вон там, в углу – молодой человек с орлиным носом, в доспехах и с мечом – Элжерон. Его противник – человек-тигр. Тигр стоит на задних лапах, морда запрокинута, а через его голову проходит стилизованное изображение морской волны. Так мастер обозначил Талант Мокрой Руки...

«Кстати.»

– Элжерон приехал, – сказала Лота.

– Я знаю.

Вампир казался чем-то озабоченным. «Оставь его в покое, девочка.» Ладно.

Наконец, Лота услышала бряканье металла. Затем – шаркающие неровные шаги. Наконец из туннеля появился Жан. Старый вампир в красноватом свете факелов шурился – и выглядел еще более уродливым, чем обычно. Сплюснутый низкий лоб...

– Жан, ко мне, – негромко приказал Красавчик. Он поднял клетку повыше – старому вампиру пришлось задрать морду, чтобы приняться. Рыжий кролик в панике забился в угол. «Вампиры чувствуют запах крови», вспомнила Лота. Для них он всегда разный. И поэтому они никогда не спутают одного человека с другим.

– Е-а! – сказал Жан довольно. Потянулся к клетке...

И тут Красавчик его ударил.

Жан отступил на шаг и заскулил.

– Иди сюда, – сказал Яким. Жан неуверенно приблизился. Серый, жалкий... отвратительный...

«Камень-сердце!»

Красавчик снова ударил. Старый вампир упал. Движение дворецкого было таким быстрым, что Лота видела только смазанную тень...

Она наконец пришла в себя.

– Прекрати! Я приказываю!

Красавчик медленно повернулся. Глаза – темные провалы.

– Он даже не вампир, – сказал Яким. Лота отшатнулась. – А уж человеческого в нем и подавно ничего не осталось. Кого ты жалеешь? Это тварь. Тупая голодная тварь.

Он повернулся к Жану и сказал громко:

– Эй, гнилушка!

Ничего не случилось.

Красавчик снова повернулся к Лоте.

– Видишь? В гетто меня бы уже...

Рычание.

В следующий момент Жан оказался рядом с Красавчиком. Поднял молодого вампира над головой, словно тот был невесомым, и – швырнул через весь зал. Глухой стук. Яким врзался в стену, упал на землю, как мешок с требухой – и остался лежать. Клетка тоже отлетела – но не сломалась, только перекосилась. Рыжий кролик внутри бился и верещал.

Лота замерла. «Какого?!»

Потом выхватила пистолет. Так, взвести курок... серебряная пуля...

– Жан, перестань! – закричала она.

Старый вампир не обратил на неё внимания. Оскалился и зарычал. Потом переваливающейся обезьяньей походкой двинулся к Яким, волоча за собой цепь...

Лота вскинула пистолет. Прицелилась Жану в ногу. А, хаос! Кого это остановит! Подняла пистолет выше, чтобы попасть в тело. Помедлила, задержала дыхание... Нажала на спуск. Вжж. Щелк...

Жан шел.

Осечка!

– Плохой мальчик, – сказал Красавчик, пытаясь подняться. Выглядел он неважно. Левая рука выгнулась под странным углом. – Ничего не получишь.

– Красавчик, хватит! – крикнула Лота. Заново взвела курок. Порохового рожка у нее с собой не было. Оставалось надеяться, что пистолет все же выстрелит. – Не дразни его, идиот!

– Скажи: кролик! – Яким попытался ударить старого вампира, но промахнулся. В следующее мгновение его вздернули вверх...

– Ни гни-у-шка! – сказал Жан.

– Значит, гордость у тебя все-таки осталась? – Яким начал смеяться. Жан мотал его как пес кошку, а Красавчик хохотал. Неровный свет факелов превращал эту картину в уродливое, но завораживающее зрелище. Мистерия. Черно-красное, с резкими тенями...

Лота прицелилась. Камень-сердце! Получится... я знаю, у меня получится...

Жан отбросил Красавчика к стене. Оскалился. Пасть у него была вымазана кровью.

Лоту охватила дрожь. Ствол пистолета ходил ходуном. Она положила пистолет на локоть левой руки, прицелилась...

Пламя факелов вдруг задержалось...

Получится!

Лота плавно потянула спусковой крючок...

Факелы разом погасли и – погасли. *Дыхание Логова. Все дети Малиганов о нем знают.*

Темень.

Остановить выстрел она уже не могла. Вжж. Бух! Темноту разорвало вспышкой. Тугой и резкий звук. В краткое мгновение Лота заметила горбатого Жана и лежащего Красавчика... Как на картине Питера Брайгеля... Темнота.

Перед глазами – скачут пятна. От выстрела Лота почти ослепла. Сердце бешено колотится. Невыносимо пахнет порохом.

Дрожь стала болезненной. Казалось, сердце вот-вот остановится...

И тут дрожь оборвалась. Стало тихо.

«Попала или нет?»

В наступившей тишине было слышно, как где-то течет вода. Лота замерла. Кап. Кап. Шшшш.

«Красавчик, ты – тупой ублюдок!»

Сейчас она была беспомощна. Вокруг – густая тьма со всполохами пятен. Лота знала – эти пятна существуют только в её воображении. В отличие от многих из своей семьи, она плохо видела в темноте... если только...

Удар. Отличие многих из клана, она плохо видела в темноте...

[illegible]

yy

Дико закричал Яким. Лота почувствовала, как волосы на затылке встали дыбом.

«Я ненавижу тебя, Красавчик!»

Кажется, он достаточно ее разозлил.

Она вслепую побежала вперед, повторяя про себя: тупой ублюдок, тупой уб...

Крик.

Лота почувствовала, что изменяется. Обычно это был взрыв – и жуткая боль. Сейчас – мягкое перетекание. Словно вся она – расплавленный металл, который переливают из одной формы в другую... Вот, вот...

Перелили.

Лота встала на все четыре лапы, ударила хвостом и зарычала.

Темнота стала прозрачной.

Теперь она видела все.

...Плечо разорвало болью.

Жан, хоть и старый, но все же оставался вампиром. Даже пантере с таким сложно справиться. Лота отлетела, ударилась о землю, вновь поднялась и изготавилась к атаке. Плечо стало горячим. По черной шкуре потекла кровь.

Жан стоял, оскалив клыки. Изуродованный, с вытекшим глазом. Уцелевший глаз горел желтым огнем. Позади вампира куском фарша лежал Яким...

Лота зарычала.

За спиной Жана поднялся Красавчик. Лота не знала, чего ему это стоило. Кости так быстро не сращиваются – даже при его способности регенерировать. Лицо залито кровью. Он коротко замаяхнулся...

Ударил.

Жан завизжал так, что заложило уши. А потом умер.

Ребра болели – несмотря на кожаный нагрудник. Лота представила, что случилось бы, если бы Красавчик бил в полную силу...

«А если у него не будет шпаги?»

Яким посмотрел на Лоту.

– Миледи, – сказал Красавчик. Поднял правую руку. Она дымилась. Яким разжал пальцы – на ладони лежала сплюснутая серебряная пуля. Плоть вокруг почернела и слово бы тлела изнутри. Из трещин сочился вязкий дым.

– Вот так, – сказал вампир. И упал.

Рыцарь-в-Бинтах

Моё сердце стучит.

Только ты.

Только ты.

Только. Ты.

Я поднимаю лицо навстречу каплям. Смотрю в черное небо. В глазах плывет, словно кто-то там, наверху, прицельно поливает меня из медного чайника с узким носиком...

Змеится молния.

Я жду, когда ударит гром.

Будду-бу-дых! Гром.

Человек с медным чайником смотрит на меня с высоты. Маленькая фигурка на огромной скале. Плащ развевается, бьется, как язычок пламени. Черного пламени. Наверное, это ветер. Наверное, это дождь. Я не знаю.

Молния.

Будду-бу-дых! Гром.

Я стою, запрокинув голову. Бинт на лбу размотался и мешает смотреть.

Самое время обратиться с молитвой. Так, наедине с небом, молились древние святые. И бог отвечал. Давай, Самтори, чего ты ждешь?...

Чего ты хочешь?

Справедливости?

Покоя?

Тихого семейного счастья?

Я не знаю.

Ветер треплет бинты. Дождь заливает глаза. Человек с медным чайником смотрит с небес...

Я спрыгиваю на песок и бегу. Семейный двуручный меч лежит у меня на плече. На лезвии меча – ржавчина. Я знаю: это неправильно. И вместе с тем: все верно...

Мое оружие должно быть именно таким.

Бинты намокли и стали тяжелее. Я набираю скорость. Медленно, как поезд, уходящий со станции. Чух! Чух! Чух-чух! Чух-чух-чух-чух! Чух-чух-чух-чух!

Туууу!

Слева шумит море. Волны накатывают на песок, хватают за ноги. Я бегу.

Ветер упирается в плащ, тормозит меня, словно это парус. Скидываю плащ. Он черной вспышкой исчезает позади.

Чух-чух-чух-чух!

Наверное, мне должно быть холодно?

Я знаю: мне холодно.

Почему же я ничего не чувствую?

Я не знаю.

Бегу.

Во вспышке молнии возникает замок. Две каменные башни с бойницами и ажурными балконами. Замку четыреста лет. Стены не видели осады уже лет триста...

Этот замок – мой.

Я веду осаду.

Я один.

Я стою у стен, я рою подкопы, устанавливаю и направляю осадные орудия. Я высылаю парламентариев и вешаю шпионов. Я иду на приступ, закидываю фашинами рвы, приставляю лестницы. Лезу в штыки, ору во все горло, размахивая знаменем. Получаю прикладом в лицо и, падая вниз, разбиваюсь насмерть. Я трушу и прячусь за спины товарищей, стою на ослабевших ногах, впадаю в панику и бегу. Меня награждают за храбрость. Списывают из армии, как инвалида, я уезжаю и спиваюсь...

И расстреливают перед строем за дезертирство тоже меня.

Этот замок – мой. И враг в нем – мой.

Всю жизнь я чего-то боялся.

Теперь бояться меня.

– Он здесь! – кричит часовой, когда я закидываю себя на стену. Это солдат из городской охраны – я вижу мундир с эполетами. Солдат вскидывает ружье... целится...

Не успевает.

Прости, солдат.

Гремят выстрелы. Вспышки слева, справа... сверху...

– Прекратить огонь! – раздается спокойный голос. Выстрелы смолкают. – Принесите фонари! Больше света! Он где-то здесь... Ищите!

Сейчас меня обнаружат...

Я подхватываю тело солдата, поднимаю над головой и швыряю. Глухой удар.

– Боже!

Я беру меч наизготовку и прыгаю со стены...

Всю жизнь я надеялся на тебя.

На твое милосердие.

Теперь я молчу.

Где твоя справедливость, человек с медным чайником?

Почему ублюдки живут, и им достается все? Почему добрая и честная девушка, на свое несчастье родившаяся красивой – должна пасть жертвой распутника и труса?

Почему Тебя не было рядом?

Почему не было меня?

Я не чувствую капель, что текут сейчас по моему лицу. Я давно уже ничего не чувствую. Дождь плачет за меня. За нас, за всех. За ту девушку...

У меня осталось не так уж много времени.

– Какой он был, этот Самтори?

– Чудак. Книжки читал, в доспехи рыцарские наряжался...

– А что говорят соседи?

– Говорят, добрый был...

– Добрый? А половину солдат майора Бенкши он тоже по доброте душевной уложил?!

Молчание.

– Мои ребята уверены, что это призрак.

– Простите, инспектор, вы серьезно?

– Я в призраков не верю, милорд. Но...

– Что «но», инспектор?

– Он увлекался раскопками. Говорят, он даже что-то нашел... Как раз перед самым исчезновением...

Я лежу на крыше, смотрю в небо.

Будду-бу-дых! Гром.

Рядом лежит меч, покрытый ржавчиной. Капли бьются о лезвие.

Человек с медным чайником смотрит на меня с небес. Здравствуй, Самтори, говорит человек. Как ты, Рыцарь-в-Бинтах?

Я молчу. Теперь я всегда молчу, когда он со мной разговаривает.

Когда-то я верил в лучшее. Ведь должна же быть на земле доброта и свет? Если есть зло, должна быть и сила, которая от зла защищает? Должны же, мать их так, быть рыцари?!

– Он спрятался где-то в замке, милорд.

– Откуда он знает мой дом?

– Самтори когда-то бывал у вас в гостях. Уверен, как человек, увлеченный военной историей и средневековьем, он разглядел здесь все. Вот, посмотрите... Это не самый удачный портрет, но здесь Самтори изображен в фамильных доспехах.

– А! Кажется, припоминаю. Он тогда тоже в доспехах приехал. Как на маскарад, представляете, инспектор? Герб с какой-то невзрачной серенькой птичкой... воробей? Нет, что-то другое. Перепелка? Доспехи, кстати, рухлядь совершеннейшая...

...Вслед за мной в кабинет вбегает человек в костюме и котелке. В руке у него револьвер.

– Полиция! – кричит человек. – Бросьте оружие, Самтори! Я буду стре...

Ваза эпохи Цинь отбрасывает полицейского в угол. С грохотом рушится этажерка с драгоценными статуэтками. Однажды я бывал здесь гостем. И помню, тогда многое бы отдал за возможность рассмотреть коллекцию получше...

Сейчас под моими ногами хрустит фарфор.

Я иду.

Я все ближе.

– Инспектор, вы, кажется, меня не очень любите?

Молчание.

– Вы правы. Не очень.

– Извините за любопытство, инспектор. Но почему?

– Я расследовал дело об убийстве в Крокет-виль.

Молчание.

– А, та бедная девушка...

– Какой-то ублюдок изнасиловал ее и убил... Какой-то очень богатый и влиятельный ублюдок, милорд.

– И что, инспектор?

– И ничего, милорд.

Мне на спину прыгает еще один. Я отпускаю меч, хватаю противника за запястья... с размаху бьюсь спиной о стену. Полицейский хрипит. Я делаю два шага вперед... отталкиваюсь и вновь – стена.

У полицейского вырывается стон.

Хватка его слабеет, он падает на пол.

Вперед!

Подбираю меч. Сжимаю рукоять двумя руками – из-под бинтов сочится желтая гниль. Запах, должно быть, жуткий...

Хорошо, что и запахов я тоже не чувствую.

Выстрел.

Сильный толчок в левое плечо. Я с трудом удерживаю равновесие. Боль появляется где-то в глубине руки...

В дверях, озаряемый вспышками молний, стоит человек с револьвером.

– Вы и есть Самтори?

У человека тонкое бледное лицо, темные волосы. Лорд Руперт собственной персоной.

Я делаю шаг вперед...

Выстрел.

Почему-то оказываюсь на коленях. Огонь горит внутри меня, вытягивает мне внутренности крюком мясника. Я отвык от такой боли...

Я – Гнилой рыцарь, но мне так больно!

Меч лежит передо мной на полу, среди стеклянных осколков.

– Вы уязвимы, – говорит лорд Руперт. – Что ж... тем хуже для вас, Самтори. Оборотень вы или нет – в моем револьвере серебряные пули. Но прежде чем покончить с вами, я хотел бы задать один вопрос...

Я молчу. Надо попробовать дотянуться до меча. Успею ли? Проклятый ублюдок неплохо стреляет.

– ...один вопрос. – Руперт подходит ближе. Ступает он мягко, с грацией уверенного в себе хищника.

Мы смотрим друг другу в глаза.

– Спрашивай, – едва слышно шепчу я. От моего горла мало что осталось. От меня вообще мало что осталось. Лепра – страшная вещь.

– Она... – говорит Руперт. Глаза его мерцают. – Она не придет?

Какой-то ублюдок изнасиловал ее и убил... Какой-то очень богатый и влиятельный ублюдок, милорд.

Выстрел.

Глаза Руперта на мгновение расширяются... Потом Руперт падает.

За его спиной стоит окровавленный инспектор с револьвером. Он весь перекошен. Похоже, я сломал ему пару ребер...

Пожар в животе становится невыносим.

Полицейский вновь поднимает револьвер. Черное дуло смотрит на меня.

– Мои люди утверждают, что вы призрак, – говорит инспектор. – Это правда?

Если есть зло, должна быть и сила, которая от зла защищает? Должны же, мать их так, быть рыцари?!

Я улыбаюсь. Впервые за долгое-долгое время...

Эльфы на танках

– Тьен а-Беанелль, – сказал Дмитр, не открывая глаз. В левом виске билась жилка. – Танцующий в лучах солнца. Красиво, а? Одуванчик по-нашему. Вторая бронетанковая... там у них каждый батальон – по цветку называется...

– Эльфы?

– А кто еще? Пиши, Петро. Танковый батальон проследовал в направлении... сейчас, сейчас... поднимусь повыше... в направлении Оресбурга... записал?

– Ага.

– Не ага, а «так точно». Что написал?

– Посадили вторую грядку настурций, урожай повезем тете Оле. Целую, Фима.

– Молодец.

...Выйдя из транса, а точнее, вывалившись из него как мешок с овсом, Дмитр заставил себя открыть глаза. Мир вокруг качался. Сбросив с себя надоедливые руки (держи его! ну что ж ты! покалечится еще! держи!), сделал шаг, другой. Белый снег, черные проталины, темно-зеленые, почти черные ели... И бледно-голубое, совсем уже весеннее небо. Дмитр понял, что лежит. Над ним склонились двое. Потом подняли... Потом понесли...

Проснулся Дмитр уже после полудня. Под слегка ноющей головой – вещмешок. Рядом над костром – котелок с варевом, откуда шибает сытный мясной дух.

– Наконец-то, – сказал женский голос. – Очухался...

Получасом позже Дмитр сидел у костра и хлебал из котелка горячее варево. Сканья, снайперша отряда, чистила арбалет. Девушка в мешковатом маскхалате грязно-белого цвета, пепельноволосая, с четкими чертами лица. На вид ей можно было дать лет двадцать. Это если не заглядывать в глаза...

Петро спал, повернувшись спиной к огню.

Из леса показался Ласло, махнул рукой. Дмитр нахмурился. Дохлебал в ожидании новостей остатки бульона, выпрямился. Ну?

– Меня Сулим прислал, – начал Ласло обстоятельно. И вдруг не выдержал, перешел на щенячий восторженный тон: – Мы нашли!

– Сколько? – Дмитр отставил котелок. – Кто такие? Не из Лилий?

– Не-а! Бог миловал. Один эльф. Один одиначенек!

– Вкусная рыба, – сказала Сканья с нежностью. Облизнулась. Если бы эльф увидел девушку в этот момент – он побежал бы. И бежал бы, не оглядываясь, долго-долго... Вряд ли она знает, насколько кроважально выглядит.

– Командир, можно я? – лицо Скании стало просто страшным. – Я его, гада...

– Отставить, – сказал Дмитр. – Сканья, Петро, при лагере... Это приказ, Сканья! Ласло, веди. Пойдем глянем на вашего эльфа...

Эльф был один. Совершенно. Посреди леса. В полной форме темно-синего, с фиолетовым отливом, цвета. Что автоматически зачисляло эльфа в покойники...

– Киль, – сказал Дмитр, не веря своим глазам. Оторвался от бинокля, посмотрел на Ласло, потом на Сулима. – Не может быть.

– А я что говорил? – откликнулся Ласло. Он прижал арбалет к плечу, принял к окуляру снайперского прицела. – Магической защиты – одна целая, три десятых.

– Он что, от комаров заклятье наколдовал?

– А бог его знает, – Ласло пожал плечами. – Может, он того... заблудился. А комары кусают. И наплевать им, что сейчас весна, а не лето.

– Больше никого? – Дмитр все еще не верил. – Вдруг это засада? На приманку нас взять хотят или еще как... Сулим?

– Нету никаво, – штатный разведчик группы всегда разговаривал, словно с кашей во рту. Но уж разведчик был отменный. Да и боец, каких поискать. Угрюмый и молчаливый, с виду медлительный, в бою Сулим действовал невероятно быстро и точно.

– Тогда что он здесь делает? – Дмитр снова взял бинокль. Эльф, светловолосый, с точеными чертами лица, казалось, никуда не торопился. Просто сидел на пеньке и наслаждался природой. – Как бы выяснить?

– Килей в плен не брать, – сказал Ласло.

– Знаю.

На восьмой год войны у воюющих сторон появился целый кодекс, помимо официальных Устава у людей и Чести у эльфов. Эльфы назвали это Сиет-Энне – Внутренняя Честь. Одно из правил касалось вопроса, кого стоит брать в плен. Бойцов элитной Киен а-Летианнес – Цветущей Сливы – не стоило. Ни при каких обстоятельствах...

– Точно киль.

– Это офицер! – сказал Ласло, чуть не подпрыгивая от возбуждения – Причем штабной, зуб даю. У него плющик по рукаву... синенький такой. Я его сниму, командир, а?

– Синенький? – Дмитр задумался. Он неплохо разбирался в эльфийских званиях и родах войск, но это было что-то новое. Может, снабженец? Или заместитель Второго-из-Ста? Ага, щас. Размечтался. Скорее старший помощник младшего дворника... Вот бы выяснить, но...

– Командир?

– Отставить стрельбу, – сказал Дмитр наконец. – Будем брать языка.

Ласло сперва не понял.

– Командир, ты чего? Киля?!

– Выполнять. Сулим...

Разведчик кивнул. Возмущенный Ласло, получив кулаком под ребра, сразу замолк и проникся. Тоже кивнул. Дмитр оглядел бойцов, остался доволен. Хорошие ребята.

– Стрелометы оставить. И чтоб ни звука у меня... Действуйте.

– Не в первый раз, командир, – сказал Ласло.

* * *

Эльф смотрел без всякого страха. Руки ему развязали, усадили на землю около костра. Лицо чистое и красивое, легкий синяк на лбу его совсем не портит.

– Ваше имя, звание, часть? – начал допрос Дмитр. Вряд ли эльф заговорит, но кто знает? Впрочем, даже если будет молчать... Всегда есть средство.

– Tie a-bienne queuae? – поинтересовался эльф, растирая затекшие кисти. «А кто спрашивает?» Голос у него оказался высокий и чистый, очень приятный.

– Это неважно, – сказал Дмитр. – Отвечайте на вопрос.

– Не имею желаний, – эльф говорил почти без акцента.

Петро, как самому здоровому, было приказано удерживать Сканию подальше. Как средство устрашения, Скания не знала себе равных, но – всему свое время. Зря эльф улыбается. Самое интересное: лицо с виду каменное, но ведь видно – улыбается. Порода, воспитание. Уметь надо... Молодец, что сказать.

Только Скания и не таких обламывала.

– Повторяю вопрос. Ваше имя? Звание? Часть? – произнес Дмитр отдельно. Эльф молчал. Сейчас, решил Дмитр. Кашлянул, подавая Петро сигнал. Петро, поскользнувшись, упал на колено. Скания рванулась в очередной раз, и – вдруг оказалась на свободе. Постояла секунду, еще не веря...

– Я тоже повторяю вопрос, – сказал эльф. – А кто спра...

Какая-то сила швырнула его на землю, ударила, сжала коленями. Сканья оказалась верхом на эльфе, вцепившись ему в ворот формы. Затрещала ткань.

– Люди, ублюдок! – Сканья выкрикнула это эльфу в лицо. Он мотнул головой в шоке, попытался встать... Нашел глазами Сканью... И очень быстро пришел в себя. Невероятное самообладание. Вот это зверюга! – Дмитрий против воли восхитился.

– Люди? – эльф просмаковал это слово, словно глоток редкого вина. Посмотрел снизу вверх прямо в искаженное лицо девушки. – Люди – это хорошо. Я скажу. Меня зовут Энедо Риннувиэль, звание Детаэн-Занаи-Сэтимаэс, часть Киен а-Летианнес, подразделение Сотмар э-Бреанель.

– Как? – такого подразделения Дмитрий не знал.

– У людей ближайшим аналогом является политическая разведка, – пояснил Энедо. – Эльфийское понятие несколько шире, но – смысл тот же. Я один из высших офицеров в разведслужбе вашего врага. Это понятно? И я требую встречи с командованием.

– Чьим? – спросил Дмитрий тупо.

– С вашим, конечно.

Вот это номер! – подумал Дмитрий. – Вот. Это. Номер.

– Вы должны рассказать все, что знаете, – сказал Дмитрий. – Иначе Сканья сделает с вами такое...

– Эта милая девушка? – эльф, кажется, наслаждался эффектом. Улыбнулся. Сканья тут же ударила его головой об землю. – А, dieulle! За что?

– Эта милая девушка, чтобы вы знали, вынесла такое, что вам и не снилось. Когда-то эльфская карательная бригада прошла через родной городок Сканьи... Знаете, как он назывался, Энедо? Я вам скажу. Гедесбург.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.